

МАРК СОЛОНИН

**КАК
СОВЕТСКИЙ
СОЮЗ
ПОБЕДИЛ В ВОЙНЕ**

Великая Отечественная война. Особое мнение

Марк Солонин

**Как Советский Союз
победил в войне**

«Яуза»

2019

УДК 94(47+57) "1941"
ББК 63.3(2)62

Солонин М. С.

Как Советский Союз победил в войне / М. С. Солонин — «Яуза»,
2019 — (Великая Отечественная война. Особое мнение)

ISBN 978-5-00155-012-9

Новая книга от Марка Солонина!!! Опираясь на рассекреченные в последние годы документы Министерства обороны, автор доказывает, что вся история Великой Отечественной войны – ложь! Что Советский Союз не был невинной жертвой, подвергшейся вероломному нападению, а сам готовил войну. Войну, которая пошла совсем не по советскому плану. Марк Солонин уверен, что возникший в последние годы жанр «документальных фальшивок», широкое и беспрепятственное распространение графоманских сочинений очень опасны, а поэтому должны встречать решительный и твердый отпор со стороны научного сообщества. Именно такова цель его новой книги.

УДК 94(47+57) "1941"

ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-00155-012-9

© Солонин М. С., 2019

© Яуза, 2019

Содержание

«Мюнхен» и Москва	6
Игры весны 41-го года	14
Динозавры	15
В полосе активной обороны	17
На варшавском направлении	22
Тревожные ожидания	25
Один ответ и один вопрос	28
Недостающее звено	30
Сбивать – или не сбивать?	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Марк Солонин

Как Советский Союз победил в войне

Фотография на обложке: Александр Капустянский / РИА Новости.

© Солонин М.С., 2018

© ООО «Яуза-каталог», 2018

«Мюнхен» и Москва

«Мюнхен». Это короткое слово входит в обязательный набор псевдоисторических псевдонимов каждого патриота-державника. Про «мюнхен» знают все – как и про «мирно спящую страну», «фанерные истребители», «одна винтовка на троих», «Сталин старался оттянуть», «Рихард Зорге предупреждал» и пр. О «мюнхенском сговоре» вспоминают всякий раз, как только возникает тема пакта Молотова – Риббентропа. Это наш «ответный удар», неотразимый аргумент в обличении грехов растленного «запада». Да вот только не все так просто, как кажется...

Для начала – краткая историческая справка. Первая мировая война привела к крушению трех огромных многонациональных империй (Австро-Венгерской, Российской, Турецкой) и формированию новых государств. Победившая в войне сторона (Антанта) установила западную границу новоявленной Чехо-Словакии по довоенной границе между Австро-Венгрией и Германией. В результате у северо-западных и юго-западных рубежей нового государства оказались районы компактного проживания немецкого (можно сказать – «австрийского») меньшинства. Причем меньшинства весьма многочисленного: в начале 30-х гг. население ЧСР состояло из 7,4 млн. чехов, 3,3 млн. немцев, 2,4 млн. словаков, 0,6 млн. венгров, 0,5 млн. закавказских русинов, 300 тыс. евреев, 100 тыс. поляков.

Не будем сейчас отвлекаться на обсуждение вопроса о том, какие аргументы мог (должен был) привести «запад» в Мюнхене, отрицая право трех миллионов судетских немцев на воссоединение с «фатерляндом», но все же напомним читателю о том, что англо-французы для себя ничего не просили и ничего (кроме позора) не получили. Напомним и о том, что в Мюнхене Гитлер не требовал ликвидации Чехословакии и не объявлял ее «уродливым детищем Версальского договора»; на тот момент требования Германии сводились к хрестоматийному «Отпусти народ мой». И даже с учетом того, что СЕГОДНЯ известно о последствиях «мюнхена», нельзя не признать, что со стороны Англии и Франции это была – да, трусливая и глупая – попытка предотвратить войну. Дело доброе. Именно в этом главное и качественное отличие «мюнхена» от советско-нацистской сделки, которая была соглашением между двумя поджигателями войны о разделе будущей военной добычи.

Вернемся однако же в 1938 год. Что в момент «судетского кризиса» делал Советский Союз? И на этот вопрос ответ «знают все». СССР в лице наркома иностранных дел М. М. Литвинова со всех трибун клеймил позором политику «умиротворения агрессора», гневно обличал и сурово порицал, требовал от Франции выполнения ее обязательств перед Чехословакией, многократно заверял Прагу в неизменной поддержке, отмобилизовал и подтянул к западным границам несколько десятков дивизий, готовил к бою танки-самолеты, протягивал многочисленные руки братской помощи...

Все хорошо, одно нехорошо – благостную картину нарушает простой, очевидный, но никем еще не заданный вопрос: «А что ж не помогли, если так сильно хотели?» Нет, в самом деле, если могучий Советский Союз, который уже летом 1938 г. считал дивизии и бригады сотнями, танки и боевые самолеты – тысячами, хотел помочь Чехословакии (и не из одной только платонической любви к «братьям-славянам», а дабы не допустить «продвижения Гитлера на восток»), то что же помешало реализовать столь полезные и благородные намерения? Почему даже официальной ноты протеста в МИД Германии не послали? советского посла из Берлина «для консультаций» не отозвали – не говоря уже о более действенных способах выражения несогласия Москвы с условиями и результатами «мюнхенской сделки»?

Интересно отметить, что в вариантах ответа на этот вопрос отчетливо просматриваются характерные для всей советской историографии 2 МВ «два эшелона», два уровня: для «своих» и для «тупой пиплы». В изданных мизерным тиражом, но претендующих на научную солид-

ность толстых монографиях просто и без затей, с несколько даже демонстративным цинизмом («ну, мы тут все люди взрослые, чего ваньку-то ломать») признают, что помогать чехам Советский Союз и не собирался. *«Практический ум Сталина диктовал, как в период подготовки Мюнхена (несмотря на дипломатическую риторику), так и после него позицию наблюдателя, выжидающего дальнейшего развития событий и руководствовавшегося принципом, грубо говоря, «не лезть на рожон».*

А вот ширнармассам – после рассказа про «700 истребителей, снаряженных для немедленного вылета в Чехословакию», и прочие, захватывающие дух проявления готовности СССР броситься на помощь жертве фашистской агрессии – с горестным всхлипом сообщают, что мы бы и рады были помочь, но все закончилось ничем по причине пункта. Советско-чехословацкий договор о взаимопомощи содержал в своем тексте пункт о том, что обязательства СССР вступают в силу лишь в том случае, когда Франция также придет на помощь Чехословакии. А Франция – не того, вот и мы не того...

Это замечательная логика, и она знакома и понятна даже тем, кто не знает – на какой стороне глобуса надо искать злосчастный Мюнхен. «Мы бы поженились, но его (ее) родители не хотят». Правда, по закону и по жизни все совсем не так. Для регистрации брака и возникновения всей полноты прав и обязанностей, связанных со вступлением в брак, ни родители, ни «свидетели» не нужны – только письменно заверенное в государственном учреждении (ЗАГСе) желание двух взрослых людей, жениха и невесты. При наличии такого желания вопрос решается быстро и просто, с уплатой мизерной госпошлины; при отсутствии желания хотя бы у одной из сторон – не решается никогда.

Ни Чехословакия, ни, тем паче, Советский Союз колонией Франции не были. Ни Прага, ни Москва не нуждались в «разрешении» из Парижа для того, чтобы изменить условия существующего договора или заключить любой новый договор. Нужно было только захотеть. При наличии желания (политической воли) сталинская дипломатия действовала с ошеломляющей быстротой.

21 августа 1939 г. в Москве еще велись тройственные переговоры военных миссий (Англия, Франция, СССР) о совместных боевых действиях против Германии, а в ночь на 24 августа в Кремле уже разливали шампанское по поводу подписания Пакта Молотова – Риббентропа. В ночь с 26 на 27 марта 1941 г. в Белграде произошел военный переворот, а 3 апреля (т. е. всего через неделю) делегация нового югославского правительства уже вела с самим Сталиным переговоры о заключении договора о дружбе и сотрудничестве, каковой договор и был подписан 6 апреля 1941 г. Абсолютный мировой рекорд скорости был поставлен при заключении Договора с «народным правительством демократической Финляндии», каковое правительство (если верить «Правде» от 2 декабря 1939 г.) было случайно обнаружено с помощью радиоперехвата и уже на следующий день прибыло для переговоров в Москву.

Столь же смело и решительно Сталин нарушал любые нормы международного права. В одном только 1939 г. Советский Союз в одностороннем порядке разорвал Договор о ненападении с Польшей, затем – с Финляндией, вел боевые действия на территории никем, кроме Советского же Союза, не признанной Монголии; в следующем, 1940 г., угрожая вооруженным насилием, аннексировал часть территории Румынии (Бессарабию и северную Буковину) и оккупировал три страны Прибалтики. И ничего. Мальчики бумажные в глазах у Сталина не мельтешили, юридические коллизии серьезному делу не мешали. Про то, как тов. Сталин обращался с нормами сталинской Конституции во внутривнутриполитических делах, напоминать, надеюсь, не надо.

Но, может быть, чехословацкая буржуазия подло предала свой народ и в страхе перед ростом авторитета и влияния компартии отклонила руку дружбы, протянутую из Москвы? Да, слышали мы и такое. Только это уж совсем смешно. Президент Чехословакии Эдуард Бенеш (до этого бессменный, еще с 1918 г., министр иностранных дел) к традиционному для чешской

элиты русофильству добавил еще и незаурядную порцию любви к марксизму и социализму. Бенеш был, пожалуй, самым «левым» политическим лидером в довоенной Европе, левее его были только штатные агенты НКВД. Отнюдь не случайно после воссоздания Чехо-Словацкого государства летом 1945 г. Москва именно ему доверила пост президента – и это при том, что во всех других случаях руководителей эмигрантских «правительств в изгнании» с ног до головы оклеили ярлыками «предателей», «буржуазных прихвостней», «марионеток мирового империализма» и прочими ласковыми словами...

Впрочем, нет нужды спорить о том, чего хотел или не хотел Бенеш. У нас есть документ – рассекреченный отчет советского посла в Праге С. С. Александровского («Заметки о событиях в конце сентября и начале октября 1938 г.», Архив внешней политики РФ, ф. 0138, оп. 19, п. 128, д. 6). Читаем:

«...Левая пресса энергично боролась и искала аргументы для доказательства возможности и ценности опоры на СССР и без помощи Франции. Полпредство осаждали десятками телефонных звонков и ежедневно многочисленные посетители из числа видных политиков и журналистов, которые приходили с одними и теми же вопросами: будет ли СССР помогать без Франции, кто является автором оговорки в советско-чехословацком договоре о взаимопомощи, связывающей советскую помощь с помощью Франции, нельзя ли срочно заключить новый, уже союзный договор...

21 сентября т. Литвинов в Женеве очень ясно подчеркнул зависимость советской помощи от французской. Реакционные круги стали эксплуатировать это обстоятельство... Далее на нескольких страницах Александровский описывает грандиозную народную демонстрацию в Праге, как его черный «буржуйский» «Паккард» сначала хотели разбить, а потом, увидев на капоте красный советский флаг, под возгласы и приветствия чуть ли не на руках пронесли сквозь бушующую толпу к воротам президентского дворца.

«Бенеш пытался чисто по-деловому говорить на тему военного решения спора между Чехословакией и Германией. Когда он задавал вопросы относительно прохождения Красной Армии через территорию Румынии или когда он спрашивал о нашей реакции на возможное нападение Польши на Чехословакию, то в его тоне не было никаких сомнений, что мы пойдём и с боем через Румынию или Польшу...

Когда я был у Бенеша 25 сентября, его помещение представляло собой полностью военный лагерь... Признаюсь, что в то время у меня было очень тяжёлое чувство, потому что я ничего не мог сказать Бенешу, особенно в ответ на его практические вопросы. Он спрашивал у меня, сколько тысяч бойцов может бросить в Чехословакию воздушный десант Красной Армии, какое военное снаряжение привезет такой десант, сколько и чего потребуется из технических средств для того, чтобы такой десант мог начать боевые действия...

Вечером 26 сентября, уже после речи Гитлера, Бенеш находился не только в бодром, но прямо в веселом настроении. Весь его тон был прямо боевой...

27 сентября Бенеш говорил уже вполне серьезно о неизбежности войны, и его тон в отношении вопроса о нашей помощи был уже иной... Я ясно чувствовал, что Бенеш с большим нервным напряжением и крайне серьезно хочет услышать от нас – как и когда мы окажем помощь... У меня нет и не было сомнений в том, что Бенеш вплоть до получения сообщения о конференции в Мюнхене не намеревался капитулировать, и в этом смысле не обманывал ни себя, ни свой народ, ни нас...

Уже совсем воплем отчаяния звучал телефонный звонок Бенеша утром в половине десятого 30 сентября (день подписания «мюнхенской сделки». – М.С.)... Этот исторический день нуждается в особом освещении. По техническим причинам я смогу вернуться к нему лишь со следующей почтой.

Закончено 20 октября 1938 г.»

В то время когда советский посол (С. С. Александровский был человеком совестливым, заваливал Москву депешами с просьбой спасти, то есть выдать въездную визу в СССР обреченным чешским антифашистам; весной 39-го года его отозвали из Праги и уволили из НКВД, арестовали, правда, очень поздно, в 43-м, расстреляли в 45-м, реабилитировали посмертно в 56-м) испытывал *«очень тяжелое чувство, потому что я ничего не мог сказать Бенешу»*, руководство компартии распространяло листовку следующего содержания: «По совершенно достоверным сообщениям, Советский Союз полон решимости помочь Чехословакии в любом случае и в любую минуту, как только на нас нападут. Советский Союз непоколебимо с нами...»

Продолжение доклада Александровского (если оно вообще существовало) мне в архиве МИД РФ найти не удалось. Поэтому в описании событий «исторического дня, который нуждается в особом освещении» воспользуемся книгой американского историка чешского происхождения Игоря Люкеша «Чехословакия между Гитлером и Сталиным». В его изложении трагическая развязка была такой:

«...Приблизительно в 22–00 29 сентября Бенеш получил сообщение из Москвы от [посла] Фирлингера, который писал, что согласно ответу [заместителя наркома иностранных дел] Потемкина, если Гитлер нападет на Чехословакию, «процедура в Женеве (т. е. при обсуждении в Лиге Наций. – М.С.) может быть короткой, как только будут найдены державы, готовые противостоять агрессору». Таким был ответ Кремля на просьбу Бенеша о немедленной авиационной помощи, переданную им утром 28 сентября... Теперь, когда Бенеш более всего нуждался в советском союзнике, Кремль предложил ему обратиться с его проблемой в Лигу Наций...»

Перед самой встречей с представителями коалиционных партий утром 30 сентября, после получения условий Мюнхенского соглашения, в 09–30 Бенеш проверил свой последний шанс. Он позвонил Александровскому и сказал ему, что Великобритания и Франция принесли Чехословакию в жертву Гитлеру. Страна должна была теперь выбирать между войной с Германией (в этом случае западные союзники объявят Пражское правительство поджигателем войны и ее виновником) или капитуляцией. При этих обстоятельствах Бенеш попросил советского посла выяснить в Москве как можно скорее, как Советы рассматривают ситуацию. Следует ли Чехословакии воевать или капитулировать?

Александровский даже не отправил этот срочный вопрос Бенеша в Москву. В 10–30, не делая ничего в течение часа, советский посол поехал в Президентский Замок на своем черном лимузине «Паккард», чтобы выяснить, что происходит. С Бенешем он не встретился, но собрал фрагменты информации от его сотрудников...

В 12–20 из Чехословацкого посольства в Москве сообщили, что «новостей нет», и через десять минут министр иностранных дел Крофта формально объявил Ньютоу и Де Ла Круа (послы Великобритании и Франции. – М.С.), что Чехословакия принимает Мюнхенский диктат. Советское посольство отправило вторую за этот день телеграмму в Москву в 13–40, сообщая Кремлю, что Бенеш принял условия Мюнхенского соглашения...

Только в ночь на 3 октября 1938 г. Президент Бенеш получил телеграмму от Фирлингера из Москвы. В ней говорилось, что Кремль критикует решение Чехословацкого правительства капитулировать и что Советский Союз пришел бы на помощь Чехословакии «при любых обстоятельствах». Это сообщение было получено и расшифровано в МИДе Чехословакии в 02–00 3 октября, т. е. через 61 час после того, как Прага приняла Мюнхенский диктат и как минимум через 36 часов после отхода Чехословацкой армии с укрепленной линии на границе... После того, как все было сказано и сделано, Прага получила от Москвы выражения платонической симпатии, тщательно спланированные по времени...»

И еще несколько дополнительных штрихов к картине событий 1938 г.:

Нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов – полпреду СССР в Праге С. С. Александровскому, 28 марта 1938 г.

«Австрийский и чехословацкий вопрос я всегда рассматривал как единую проблему. Изнасилование Чехословакии было бы началом аниллюса точно так же, как гитлеризация Австрии предрешила судьбу Чехословакии... Аниллюс уже обеспечивает Германии гегемонию в Европе, независимо от дальнейшей судьбы Чехословакии... Меня удивляет предположение чехов о том, что мы должны добиваться от Румынии пропуска наших войск. Ведь этот пропуск нужен в первую очередь Чехословакии и Франции, они и должны добиваться этого пропуска, тем более, что они связаны с Румынией некоторыми соглашениями...»¹

М. М. Литвинов – С. С. Александровскому, 11 июня 1938 г.

«...Наша помощь обусловлена французской помощью. Мы однако считаем, что обращение к нам Франции также не дало бы желательного результата и что вопросы должны обсуждаться обязательно между представителями французского, чехословацкого и советского Генштабов. Напрашиваться с такими разговорами мы не будем, и Вам не следует возбуждать вопрос...»²

Отчет о встрече первого заместителя наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкина с послом Чехословакии в Москве Фирлингером, 9 сентября 1938 г.

«... Фирлингер явился ко мне сегодня, чтобы в порядке неофициального пожаловаться на прием, оказанный у нас военным специалистам, прибывшим в последнее время в СССР из Чехословакии с особыми поручениями. Фирлингер ссылался на следующие факты:

1. Генералы Шара и Нетик, якобы, были весьма сухо приняты т. Шапошниковым. При отъезде их из Москвы вместе с представителем «Шкоды» Громадко их личные вещи подверглись на московском аэродроме самому тщательному досмотру. Обыскивались карманы запасного обмундирования, находившегося в их чемоданах. Прочитывалась их семейная переписка. Отправление самолета было задержано почти на полчаса, вследствие того, что у Громадко оказалось 2000 долларов, необходимых ему для оплаты специального самолета, ожидавшего его в Амстердаме. Фирлингер утверждает, что по прибытии в Москву Громадко намеревался было заявить на таможне о наличии у него этих денег, однако, встречавшие его товарищи из НКВД посоветовали ему не задерживаться из-за этой формальности.

2. Чехословацкие офицеры-артиллеристы, прибывшие в СССР через Румынию с орудиями и снарядами, упакованными с особыми предосторожностями и находившимися под пломбами, по приезде в Ленинград были поселены в условиях строгой изоляции, под наблюдением многочисленной охраны. Груз, который они сопровождали, был взят от них и отправлен куда-то отдельно. Когда затем они прибыли на полигон, ими было установлено, что с орудий и снарядов сняты пломбы, и что секретнейшие детали были уже сфотографированы.

3. Начальник ВВС Чехословакии Файфр, прибывший в СССР в экстренном порядке для обсуждения некоторых практических вопросов, уехал обратно, якобы, разочарованным. По заявлению Фирлингера разговор Файфра с т. Шапошниковым носил формальный характер и не дал ничего конкретного...»³

Отчет о встрече В. П. Потемкина с Фирлингером, 15 сентября 1938 г.

«...Фирлингер сообщил, что по сведениям, имеющимся во французском посольстве в Москве, Жорж Боннэ (министр иностранных дел Франции. – М.С.) остался крайне недоволен своим разговором с т. Литвиновым в Женеве. Как говорил Фирлингеру Кулондр, т. Литвинов проявил в этом разговоре чрезвычайную сдержанность и не выдвинул никаких положительных предложений касательно помощи Чехословакии в случае нападения на нее Германии.

¹ АВП РФ, ф. 0138, оп. 19, п. 128, д. 1, л. 16–19.

² АВП РФ, ф. 0138, оп. 19, п. 128, д. 1, л. 38.

³ АВП РФ, ф. 0138, оп. 19, п. 128, д. 1, л. 62–63.

Я ответил Фирлингеру, что по сообщениям т. Литвинова сам Боннэ говорил с ним, главным образом, об уклончивой позиции Англии в чехословацком вопросе. О возможной совместной помощи Чехословакии Боннэ с т. Литвиновым и не заговаривал. Вполне естественно, что у т. Литвинова не было никаких оснований развить практический план советской помощи чехам...

Фирлингер выслушал все объяснения с подавленным видом...»⁴

Если нечто не крикает, как утка, и не плавает, как утка, и не летает, как утка, то, скорее всего, это не утка. Но тогда что же это?

Разумеется, Советский Союз, то есть тов. Сталин, не собирался спасать Чехословакию, «давать отпор фашистской агрессии» и т. п. Продолжать повторять эти благоглупости можно лишь в состоянии острого идеологического отравления. Но еще более ошибочным, на мой взгляд, является тезис о том, что Сталин, якобы, решил ограничиться ролью «наблюдателя, выжидающего дальнейшего развития событий». Конечно же, летом-осенью 1938 г. у Сталина был План, и этот план не имел ничего общего с пассивным выжиданием «куда кривая вывезет».

Приведенные выше разрозненные обрывки фактов и мнений даже в малой степени не могут считаться базой для реконструкции сталинского Плана. Все, что я могу сегодня предложить читателю – это, скажем так, смутные догадки, порожденные, однако же, чтением подлинных первичных документов. Итак:

Геополитический план сентября 1938 г. по целям и задачам, по основным механизмам его реализации ничем не отличался от плана августа 1939 г. Никакого «драматического поворота во внешней политике советского государства» в августе 39-го не было (в этом, собственно, и состоит суть моей «смутной догадки»). Сталин, который пьет шампанское с Риббентропом, и Сталин, который устами своего министра (наркома) иностранных дел клеймит позором «фашистских поджигателей войны» – это один и тот же политик, стремящийся к одной и той же стратегической цели.

Цель – война в Западной Европе, кровопролитная разрушительная война, по пепелищу которой Сталин поведет свои танковые колонны. Главный «инструмент» в достижении этой цели – агрессивный параноик, оказавшийся (не без тайных закулисных интриг Сталина) у руля власти в Германии. Главным фронтом будущей войны должна стать франко-германская граница, но поджечь европейский пожар Сталин пытается в каком-то другом месте, через провоцирование острого локального конфликта. Летом 1938 г. таким «местом» представляется ему Чехословакия, год спустя – Польша. В 1938 г. главной «точкой приложения усилий» была потенциальная жертва фашистской агрессии – Чехословакия. Именно ее Москва с искусством опытного провокатора подталкивала на принятие максимально жесткой линии поведения.

Странная оговорка о том, что обязательства СССР по Договору о взаимопомощи с Чехословакией вступают в силу лишь в случае аналогичных действий Франции, не была, конечно же, причиной, обусловившей позицию и действия Советского Союза, но она оказалась весьма эффективным инструментом в проведении сталинской политики. При наличии такой оговорки нарком иностранных дел СССР товарищ Литвинов мог совершенно безбоязненно сотрясать воздух с трибуны Лиги Наций (равно, как и со всех прочих трибун) – лотерея, в которую играл Сталин, была беспроеигрышной. Если Франция (и ее главный союзник Великобритания) пойдут на уступки Гитлеру, то можно будет следующие сто лет обвинять их в «предательстве», «сговоре с агрессором», выставляя себя белым и пушистым (что мы и наблюдаем по сей день). Если же дело дойдет до войны, тот тут перед тов. Сталиным открывался целый веер блестящих возможностей.

Одна из них отчетливо засверкала в ночь с 22 на 23 сентября 1938 г. Да-да, именно посреди ночи поверенного в делах Польши в Москве пана Янковского разбудили и вызвали в

⁴ АВП РФ, ф. 0138, оп. 19, п. 128, д. 1, л. 65.

НКВД, где в 4 часа утра (в конце сентября это крошечная ночь) вручили «Заявление советского правительства правительству Польши». Вот его полный текст (опубликованный, кстати, в самые что ни на есть «застойные годы»):

«Правительство СССР получило сообщения из различных источников, что войска польского правительства сосредотачиваются на границе Польши и Чехословакии, готовясь перейти означенную границу и силою занять часть территории Чехословацкой Республики⁵. Несмотря на широкое распространение и тревожный характер этих сообщений, польское правительство до сих пор их не опровергло. Правительство СССР ожидает, что такое опровержение последует немедленно.

Тем не менее на случай, если бы такое опровержение не последовало и если бы в подтверждение этих сообщений войска Польши действительно перешли границу Чехословацкой Республики и заняли ее территорию, правительство СССР считает своевременным и необходимым предупредить правительство Польской Республики, что на основании ст. 2 Пакта о ненападении, заключенного между СССР и Польшей 25 июля 1932 г., правительство СССР, ввиду совершенного Польшей акта агрессии против Чехословакии, вынуждено было бы без предупреждения денонсировать означенный договор».

Заявление от 23 сентября – это своевременно и качественно подготовленный casus belli, юридически безупречный повод для развязывания войны. И что же дальше? «Дальнейшее – молчанье», как сказал на прощание принц Гамлет. Никакого «опровержения» от польского руководства не последовало, и вечером 1 октября польские войска пересекли границу Чехословакии. И ничего. Совершенно ничего, ни советского посла из Варшавы «для консультации с правительством» не отозвали, ни польского будить не стали. После того как все указанные в Заявлении противоправные действия польского руководства состоялись в действительности, Москва скромно промолчала.

И тем не менее я вижу достаточные основания предположить, что в предполагаемом конфликте с Польшей намерения тов. Сталина были самыми серьезными. Впрочем, слова «я вижу» в данном случае не слишком уместны. Увидеть это может каждый, кто не поленится снять с полки изданную огромными тиражами еще в советские времена (М., Воениздат, 1974) 12-томную «Историю Второй мировой войны». Нас интересует второй том, в котором под замечательной надписью «Подготовительные мероприятия Советского Союза по оказанию помощи Чехословакии» размещена цветная карта, на которой со всеми необходимыми стрелочками и кружочками показано сосредоточение советских войск у границы с Польшей. Карта очень подробная, показано даже выдвижение одной (67-я стрелковая) дивизии к границе с... Латвией! Интересно – каким образом создание «Витебской и Бобруйской армейских группировок» и их выдвижение к польской границе могло способствовать «оказанию помощи Чехословакии», от которой их отделяло 800 км территории Польши?

Да, СССР не имел тогда общей границы ни с агрессором (Германией), ни с жертвой агрессии (Чехословакией). Однако кратчайшая дорога в Чехословакию проходила, разумеется, не через Витебск и Варшаву, а через северо-восточную часть Румынии (Буковину); от Винницы через румынские Черновцы в словацкий Мункач (не будем забывать, что Чехо-Словакия была тогда значительно «длиннее» за счет территории, которая после окончания 2 МВ превратилась в Закарпатскую область УССР, и Мункач стал называться Мукачево). Перспективы получения согласия Румынии на проход советских войск через ее территорию⁶ были достаточно реали-

⁵ Речь идет о конфликте вокруг клочка территории (примерно 30–70 км в междуречье рек Олга и Остривица на стыке современной границы Польши, Чехии и Словакии) – так называемой Тешинской Силезии. В 1920 г. решением Высшего военного совета Антанты Тешинская Силезия была разделена примерно пополам, по реке Олга, между Польшей и Чехословакией. Воспользовавшись ситуацией «судетского кризиса», Польша оккупировала чешскую часть Тешинской области, которая составляла менее 1,5 % от территории Чехословакии в границах 1938 г.

⁶ Чешский историк И. Пфафф в своей изданной в Праге в 1993 г. книге «Советская измена» (Sovetska Zrada) утверждает,

стичными, о чем свидетельствует реально состоявшееся в июне 1940 г. согласие Румынии – и не на временный проход войск, а на безвозвратную передачу Советскому Союзу территории Бессарабии и Северной Буковины.

После того как «мюнхенская сделка» обрушила надежды Сталина на большую европейскую войну, начинать свою собственную войну против Польши он не рискнул, и красивая карта со стрелочками легла на дальнюю полку в сейфе Генерального штаба. Но, согласитесь, задумано было красиво! «Непобедимая Красная Армия спешит на помощь жертве фашистской агрессии, сметая на своем пути белопольские банды...» При таких раскладах можно было не ограничиваться полумерами (вроде «западной Белоруссии» и «западной Украины»), а включить в братскую семью советских республик полноценную ПССР. Но не срослось.

И тем не менее я не стал бы называть осень 1938 г. «поражением Сталина», и вот почему. Германия тогда была еще слишком слаба, новорожденный вермахт делал свои первые неуверенные шаги. Война против коалиции из Англии, Франции, Чехии могла закончиться слишком быстро, а такая развязка категорически противоречила Большому Плану. Через год, к сентябрю 39-го, ситуация существенно изменилась. Гитлер заматерел, поднабрался опыта и наглости, значительно усилил (и в количественном, и в качественном отношении) свои вооруженные силы, чему в немалой степени послужила и состоявшаяся 15 марта 1939 г. оккупация Чехии вместе с заводами концерна «Шкода», производившими горы современного вооружения. И конечно же, договор с СССР, т. е. свобода рук на востоке, экономическая и политическая поддержка великой державы придали нацистам «второе дыхание».

Начавшаяся 1 сентября война вполне отвечала запросам Сталина: кровь лилась рекой, в прах и пепел обращались плоды многовекового труда, грудой битого кирпича рассыпались готические соборы Лондона и Ковентри, Варшавы и Роттердама. И свои танковые колонны по пепелищу Европы Сталин таки провел. Правда, ценой жизни не то 17, не то 27 млн. советских людей.

что в сентябре 1938 г. в ходе неофициальных встреч министров иностранных дел СССР и Румынии (Литвинова и Комнена) была достигнута принципиальная договоренность о проходе советских войск в Словакию через территорию Румынии и предоставлении «воздушного коридора» для пролета авиации; при существующей поныне закрытости российских архивов ни подтвердить, ни опровергнуть это сообщение советскими документами невозможно.

Игры весны 41-го года

Важнейшим элементом боевой подготовки командного состава и штабов Красной Армии были оперативные игры и полевые поездки. Рассекреченные в начале 21 века документы «игр» дают богатую информацию к размышлению о том, как высшее военное руководство СССР видело будущую войну с Германией, чего ожидало от своих войск и войск противника.

Даже самый беглый обзор доступных ныне архивных фондов показывает, что работа в штабах Красной Армии кипела ключом; военных игр армейского и фронтового масштаба было проведено не много, а очень много. Так, только за последние полгода до фактического начала войны состоялись (названия мероприятий указаны в соответствии с соответствующими документами):

- оперативная игра на картах в Прибалтийском ОВО (февраль);
- двухсторонняя окружная оперативная игра в Одесском ВО (февраль);
- полевая поездка штабов Ленинградского, Уральского и Орловского округов (март);
- полевая поездка в Архангельском ВО (март);
- оперативная военная игра в Московском ВО (март);
- оперативная двухсторонняя игра в Харьковском ВО (май);
- фронтовая оперативная игра в Западном ОВО (март);
- фронтовая полевая поездка в Прибалтийском ОВО (апрель);
- штабная оперативно-стратегическая игра в Архангельском ВО (апрель);
- командная оперативная игра в Московском ВО (май);
- фронтовая оперативная игра в Киевском ОВО (май);
- совместные учения штабов Закавказского ВО и Каспийской военной флотилии (май);
- фронтовая полевая поездка в Прибалтийском ОВО (июнь)⁷.

И этот перечень – далеко не полный; это только то, что удалось обнаружить в ходе беглого просмотра документов, причем из внимания был полностью исключен Дальневосточный ТВД; вовсе не упомянуты армейские игры и так называемые армейские летучки. Разумеется, уровнем военных округов «игры» не ограничивались, регулярно проводились и стратегические игры с участием высшего комсостава Красной Армии, в ходе которых отрабатывались и уточнялись общие планы использования Вооруженных сил СССР. Применительно к 1941 г. известны две стратегические игры, проведенные в январе (подробно описаны П. Бобылевым в статье «Репетиция катастрофы», ВИЖ, № 7,8/ 1993 г.) и загадочная майская игра (см. М. Солонин, «Неизвестная игра мая 41-го», опубликовано в «ВПК» № 7 (424) за 22 февраля 2012 г.).

⁷ ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 153, 154, 155, 161, 162, 396, 403, 408, 541; ф. 48, оп. 3408, д. 17; ф. 140, оп. 13000, д. 1, 11.

Динозавры

Если палеобиологи реконструируют облик динозавра по паре обломков костей, то и для военного историка не составляет непреодолимой проблемы реконструкция Большого Плана на основании документов окружных (фронтовых) оперативных планов и штабных игр. Например, не приходится долго гадать о том, почему 12–20 марта 1941 г. состоялась **совместная** полевая поездка штабов Ленинградского, Уральского и Орловского округов. Да, на географической карте эти округа разделены сотнями километров, но вот в рамках плана войны с Финляндией⁸ им предстояло совместными усилиями *«вторгнуться в центральную Финляндию, разгромить основные силы финской армии и овладеть центральной частью Финляндии»*. Для разгрома и овладения предполагалось развернуть четыре армии: 7-ю и 23-ю из состава войск Ленинградского округа, 20-ю на базе войск Орловского и 22-ю на базе войск Уральского округов.

Именно эти задачи – едва ли совместимые с духом и буквой советско-финляндского мирного договора от 12 марта 1940 г. – отрабатывались в ходе полевой поездки, о чем прямым текстом сказано в Директиве НКО № ОП/503596 от 28 марта: *«На полевой поездке отработывалась ФРОНТОВАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ (так, большими буквами, в оригинале документа. – М.С.) в сложных условиях зимы... Главной целью полевой поездки являлась проверка подготовленности фронтовых и армейских управлений в организации и проведении современной операции зимой, в условиях Карело-Финского театра»*⁹.

Заслуживает внимания уровень секретности, с которой была проведена полевая поездка – даже опечатанный сейф в штабе Ленинградского округа показался недостаточно надежным местом для хранения таких документов; 3 апреля начальник ГШ КА (т. е. тов. Жуков) приказывает начальнику штаба ЛенВО «к 10 апреля представить в Оперативное управление ГШ акт на уничтожение задания и набитые карты по полевой поездке в ЛенВО [проведенной] в марте 1941 г. Все неуничтоженные задания и набитые карты к ним возвратить в ОУ ГШ»¹⁰.

Особый интерес представляют оперативные игры, проведенные командованием Киевского ОВО (будущего Юго-Западного фронта); именно этому фронту в рамках Большого Плана предстояло нанести главный удар в направлении Львов – Краков, именно там должна была быть сосредоточена самая мощная группировка войск Красной Армии (в частности, превосходящая по количеству танковых дивизий и танков «новых типов» три другие округа/фронта, вместе взятые). Увы, этот особый интерес оказался кем-то предусмотрен, и среди рассекреченных на сей момент архивных фондов нет ни заданий на оперативные игры в КОВО, ни описаний хода хотя бы одной такой игры. Весь доступный ныне «массив информации» сводится лишь к нескольким обрывочным упоминаниям о самом факте проведения в мае 1941 г. фронтовой игры в КОВО.

Так, 26 апреля 1941 г. начальник оперативного отдела штаба КОВО полковник (будущий маршал) Баграмян докладывает начальнику ОУ ГШ: *«Представляю задания на командно-штабные учения со средствами связи 5-й и 6-й Армий и фронтовую оперативную игру. Приложения: задания на 115 листах... план проведения фронтовой оперативной игры на 7 листах... карта обстановки к 18–00 12 мая... карта общей обстановки к 12–00 6 мая...»* 30 апреля 1941 г. заместитель начальника ОУ ГШ генерал-майор Анисов отправляет начальнику

⁸ Соображения по развертыванию Вооруженных сил Красной Армии на случай войны с Финляндией от 18 сентября 1940 г., Директива НКО СССР и ГШ Красной Армии командующему войсками Ленинградского ВО на разработку плана оперативного развертывания войск Северо-Западного фронта от 25 ноября 1940 г., Директива НКО СССР и ГШ Красной Армии командующему войсками Архангельского ВО на разработку плана оперативного развертывания войск Северного фронта, б/д (ЦАМО, ф.16, оп. 2951, д. 237, л. 82–92, 118–130, 138–156.

⁹ ЦАМО, ф. 140, оп. 1300, д. 1, л. 11.

¹⁰ ЦАМО, ф. 46, оп. 3408, д. 18, л. 247.

штаба ВВС Красной Армии следующую телеграмму: «В период 12–18 мая 1941 г. проводятся командно-штабные учения штабов 5-й и 6-й Армий КОВО. На эти учения целесообразно привлечь штаб 2-го авиакорпуса в составе 7 чел. Прошу дать указания...»¹¹

4 мая 1941 г. заместитель начальника ГШ генерал-лейтенант Ватутин направляет ответную телеграмму № ОП/1409 в штаб Киевского округа: «В задание и план фронтовой оперативной игры внести поправки. 1) «Оранжевых» нейтральными не считать, а считать их с первого этапа игры на стороне «западных». 2) Организацию и силы «оранжевых» взять реальные и усилить одним армейским корпусом и танковой дивизией «западных». 3) Южный фронт на последнем этапе не создавать, оставив 16-ю Армию в подчинении ЮЗФ. Напоминаю о принятии всех мер по сохранению секретности игры»¹².

Кто такие «западные» – угадать нетрудно, под «оранжевыми», которых «западные» усиливают собственными войсками, скорее всего, имелись в виду румынские и венгерские войска. Вот и все, что известно. Можно лишь предположить, принимая во внимание хронологию событий (игра в КОВО проводилась с 12 по 18 мая, а стратегическая «майская игра» состоялась в 20-х числах мая 1941 г.) и особое внимание, уделенное действиям правофланговых 5-й и 6-й Армий, что в ходе оперативной игры в Киеве была отработана главная составляющая будущих действий фронта – наступление на Люблин и Краков.

¹¹ ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 41, л. 25, 38.

¹² ЦАМО, ф. 48, оп. 3408, д. 19, л. 90.

В полосе активной обороны

В рамках общего стратегического плана войны войскам Прибалтийского ОВО (Северо-Западного фронта) предстояло решать оборонительные задачи (в некоторых вариантах Большого Плана дополняемые частной наступательной операцией для «срезания» Сувалкского выступа). И как-то так получилось, что именно по командно-штабным учениям в Прибалтийском ОВО имеется значительный массив доступных историкам документов.

В феврале 1941 г. в ПрибОВО была проведена окружная оперативная игра на тему: «Оборонительная операция фронта с последующим переходом в наступление для уничтожения противника». Утвержденное 12 февраля задание предписывало разыграть следующую ситуацию:

«Западные», предупредив «восточных» в разворачивании, 5.6.41 начали войну. Главный удар «западные» наносят на юге, против Украинского (так в тексте. – М.С.) фронта, сосредоточив одновременно крупные силы в Восточной Пруссии, где и развивают удар на Шяуляйском и Каунасском направлениях. Против Северо-Западного фронта отмечены действия не менее 30 пехотных дивизий с танками и крупной авиации... Южнее войска Западного фронта «восточных» продолжают сосредоточение для удара в западном направлении, успешно отбивают частями прикрытия попытки «западных» перейти госграницу. Граница с западным фронтом: Полоцк, Ошмяны, Друскининкай, Сувалки, Летцен...»¹³

Итак, по условиям «игры» случилось как раз то, что произошло в июне 41-го в реальной истории. По крайней мере, именно так в 10 часов утра 22 июня описывала ситуацию Оперативная сводка Генштаба Красной Армии за номером один: *«Противник, упредив наши войска в разворачивании, вынудил части Красной Армии принять бой в процессе занятия исходного положения по плану прикрытия...»* (ЦАМО, ф. 16, оп. 1071, д. 1, л. 5.) Еще одна черта сходства задания на игру и реальных событий июня 41-го проявляется в том, что войска Северо-Западного фронта «восточных» разбросаны на большом расстоянии друг от друга; в составе двух армий первого эшелона находится не более половины от общего числа соединений фронта (15 из 33 стрелковых дивизий, 4 из 7 танковых бригад, 6 из 11 отдельных артполков).

На этом, собственно, черты сходства игры и никому на тот момент не известного будущего заканчиваются. Дальше начинаются серьезные различия. Прежде всего, составители задания на игру радикально ошиблись с определением направления главного удара противника: там (на белорусском направлении), где в реальности июня 41-го года немцы сосредоточили свои главные силы, по условиям игры «западные» лишь топчутся на месте, безуспешно пытаясь перейти границу. При этом войска Западного фронта «восточных» неспешно *«заканчивают сосредоточение и готовятся к переходу в наступление в конце июня месяца»*.

Примечательно, что эта ошибка четко совпадает с дезинформацией, которую германские спецслужбы всеми доступными им способами подбрасывали советской разведке: якобы немецкое командование планирует грандиозный охват войск Красной Армии с нанесением главного удара на северном и южном флангах, через Прибалтику и Бессарабию.

В отличие от того, что будет в реальности, войска «западных» также глубоко эшелонированы, при этом во втором эшелоне сосредоточена почти половина всех сил (18 из 39 пехотных дивизий, 4 из 5 танковых дивизий, 2 из 2 легких дивизий, 9 из 22 полков артиллерии). Подвижные соединения (танковые и легкие дивизии) почти полностью выведены во второй эшелон и терпеливо ждут, когда пехота и артиллерия первого эшелона пробьют достаточно широкий «пролом» в обороне «восточных» (что, впрочем, совпадало с теоретическим взглядом высшего командования Красной Армии, которое считало правильным ввод мехкорпусов в прорыв, созданный стрелковыми дивизиями первого эшелона).

¹³ ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 20, л. 1.

И все же самое невероятное – невероятное с точки зрения нашего сегодняшнего знания о событиях начального периода войны – это хронология событий оперативной игры. Условная «война» начинается 5 июня, после чего «западные» тратят 12 дней (!) только на то, чтобы выйти к главной оборонительной полосе «восточных», пролегающей в 30–40 км от границы (см. Рис. 1). Причем этот этап «боевых действий» в ходе игры не отрабатывался вовсе, он лишь кратко упомянут в задании.

Разыгранные в ходе учения боевые действия начинаются с условного 17 июня. «Западные», сосредоточив на 60-км участке прорыва (от Кведарна до Тауроген) 12 пехотных дивизий против 3 стрелковых дивизий «восточных», к исходу 18 июня прорывают фронт. В образовавшуюся брешь устремляется танковая лавина невообразимой численности – более 4 тысяч! танков (в реальной истории действовавшая на Шауляйском направлении 4-я Танковая группа вермахта имела на вооружении порядка 650 танков и самоходок). С 18 по 25 июня «восточные» с упорными боями отходят к Шяуляю. Южнее, на Каунасском направлении, где у противника «всего лишь» 10 пехотных дивизий и 725 танков, «восточные» отходят и закрепляются на левом (западном) берегу Немана.

На втором этапе игры (с условного 25 июня по 3 июля) наступление «западных» повсеместно остановлено, растянувшийся на 420 км фронт стабилизировался; более того, получившая значительные подкрепления (5 стрелковых дивизий) условная 1-я Армия «восточных» (за нее играл штаб реальной 8-й Армии ПриБОВО) нанесла противнику контрудар и отбросила его от Шяуляя. Тем временем в оперативном тылу «восточных», в полосе Паневежис – Елгава, происходит сосредоточение свежих соединений Красной Армии, передислоцированных из глубины страны. При этом командование «восточных», проявляя железную выдержку, не бросает подходящие части прямо с эшелона на фронт, для лихорадочного «затыкания дыр» (именно этим в реальной истории советское командование занималось все лето 1941 года). Единственное, что было сделано – из состава шести стрелковых дивизий второго эшелона фронта изъяты противотанковые артиллерийские дивизионы (по 18 орудий ПТО в каждом); из них сформирована подвижная боевая группа, которая останавливает продвижение немецких танков к Шауляю.

К утру условного 3 июля сосредоточение ударной группировки «восточных» завершено. Общее соотношение сил сторон на этот момент таково: у «восточных» 43 стрелковые, 4 танковые и 2 моторизованные дивизии, 11 танковых и 5 моторизованных бригад; у «западных» 39 пехотных, 5 танковых и 2 легкие дивизии. По боевой технике: у «восточных» 6614 танков и 4358 орудий, у «западных» 6525 танков (уму непостижимо – откуда они могли взяться в таком количестве?) и 3624 орудия. (ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 15, л. 23.) Как видим, силы сторон почти равные, правда, половина соединений «восточных» – это свежие, не понесшие потерь в предыдущих боях войска.

Сокрушительный удар «восточных» принуждает «западных» к поспешному отступлению. За три дня (3,4,5 июля) «восточные» продвигаются на 100 км, от Шяуляя до границы. Каунасская группировка «западных», оказавшаяся в полуокружении в излучине Немана, бросает тяжелую технику и с боями отходит в Восточную Пруссию. Занавес.

Заслуживает пристального внимания и описание действий ВВС сторон. В задании на игру читаем:

«ВВС “западных” с 5.6. налетами в 20–30 самолетов действуют по аэродромам “восточных”, расположенным юго-западнее линии Елгава, Паневежис, Швенченис, по ж/д узлам, станциям выгрузки и ж/д мостам, по войскам “восточных” в районе Елгава, Паневежис, Шяуляй, препятствуя их сосредоточению. В операции принимает участие 1100–1200 самолетов, из них 50 % – истребители. ВВС “восточных” с 5.6, прикрывая сосредоточение своих войск, ведут борьбу с авиацией противника в воздухе и на земле, особо упорные бои происходят на Шауляйском направлении, где наблюдается одновременное участие в воздушных боях 150–200

самолетов; ведут борьбу с оперативными перевозками противника, действуя по ж/д узлам, станциям выгрузки и автострадам, действуют по скоплениям войск противника в районе Тильзит, Инстербург, Гольдап, Гумбинен и по портам Мемель, Каркельн, Лабиау и Пиллау»¹⁴.

Для того чтобы успеть одновременно решить такой широчайший круг задач, боевая авиация «восточных» работает с невероятной (если сравнивать с реальностью войны в воздухе 41–45 гг.) интенсивностью; так, в период условного 14–18 июня ВВС «восточных» выполняют по шесть (!) полко-вылетов истребителей, от 2 до 4 полко-вылетов бомбардировщиков и штурмовиков в день.

Однако самое удивительное – это потери, которые понесли ВВС «восточных» при такой интенсивности боевого применения (и после неоднократных налетов 20–30 самолетов противника на аэродром, к тому же!). К 18 июня 6-я смешанная авиадивизия имеет некомплект (что, строго говоря, не равнозначно слову «потери» – некоторый некомплект самолетов дивизия могла иметь еще до начала «боевых действий») 68 самолетов, в боеготовом состоянии находятся 254 самолета; 2 САД – некомплект 65 самолетов, в строю также 254 самолета; 1 САД – некомплект 51, в строю 268. И это – самые тяжелые потери. Другие авиадивизии потеряли от 17 до 45 самолетов; в целом некомплект (потери) ВВС «восточных» к условному 18 июня составляет 322 самолета или 17 % от численности оставшихся в строю¹⁵.

С 22 по 27 июня в состав ВВС «восточных» включаются еще три авиадивизии (всего 420 истребителей и 473 бомбардировщика), что, как видим, с лихвой перекрывает потери; к началу июльского наступления у «восточных» уже 2833 самолета в строю. Авиация «западных» к тому моменту несколько ослабла, у них «всего лишь» 2393 самолета. Остается только напомнить, что в реальности в составе 1-го Воздушного флота люфтваффе по состоянию на 22 июня 1941 г. числилось, включая неисправные, 434 боевых самолета. В пять раз меньше.

В сравнении с тем, что произошло в реальном июне 41-го, события «игрового июня» представляются сегодня сладкой сказкой. Однако совсем не так посмотрело на них высшее командование Красной Армии – документы содержат длинный перечень выявленных недочетов, недостатков и ошибок в действиях штабов и условных «войск». По этой или по какой иной причине, но проведенная в ПриБОВО с 15 по 21 апреля 1941 г. фронтовая полевая поездка была посвящена отработке той же самой задачи: «*Оборонительная операция фронта и армий в условиях наступления крупных сил противника при незавершенном сосредоточении своих войск; проведение контрудара с форсированием речной преграды*»¹⁶. География условных «боевых действий», направления ударов и рубежи обороны сторон почти полностью совпадали с февральской игрой на картах.

Некоторые отличия – причем в полезную сторону придания учениям большей реалистичности – наблюдаются лишь в количественных параметрах. Во-первых, наступление «западных» развивается на этот раз заметно быстрее: начав операцию утром 17 апреля (игровое и реальное время полевой поездки совпадали), они к исходу дня 22 апреля (за шесть дней) форсировали р. Дубиса и заняли г. Пренай на левом (западном) берегу Немана; темп наступления «западных» составил порядка 1520 км в день. Во-вторых, число стрелковых дивизий (11 ед.) в двух армиях первого эшелона «восточных» в точности совпадало с составом реальных 8-й и 11-й Армий ПриБОВО, при этом так же, как и в реальном июне 41-го, непосредственно в приграничной полосе находилось всего 8 стрелковых дивизий. Ближе к реальному (хотя и по-прежнему завышенным в полтора-два раза) был и состав группировки «западных»: 30 пехотных дивизий, 6 танковых и 2 моторизованные (фактически 22 июня 1941 г. в составе немецкой Группы армий «Север» числилось 20 пехотных дивизий, 3 танковые и 3 моторизованные).

¹⁴ ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 20, л. 3.

¹⁵ ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 20, л. 11.

¹⁶ ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 15, л. 51.

Примечательно, что на этот раз авиация «восточных» расходует бензин и моточасы более экономно – за 5 дней условных «боевых действий» произведено по 12 вылетов истребителей и 8 вылетов бомбардировщиков на один исправный самолет, причем даже этот уровень напряжения оценивается проверяющими из Генштаба как *«несколько завышенные нормы вылетов»*. (ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 15, л. 64.) В целом же все завершилось успешно, неприятель получил положенный ему контрудар с рубежа Кельме, Бетагола на юг, к Неману (правда, форсирование реки, изначально предусмотренное заданием, в ходе полевой поездки не отрабатывалось). Проверяющие отметили возросшую – по сравнению с февральской игрой – слаженность работы штабов и написали очередной длинный перечень замечаний.

Не стояло в стороне и 3-е Управление НКО (военная контрразведка). 16 мая 1941 г. помощник начальника 3-го Управления капитан госбезопасности Москаленко направил на имя Ватутина докладную «О недочетах в оперативной полевой поездке Прибалтийского ОВО». Отметив ряд ошибок в деле обеспечения секретности, скрытого управления войсками и охраны штабов, «особист» обратил внимание и на главное: *«Оперативное задание было составлено по шаблону. Одна и та же тема, проводимая на армейских поездках (оборонительная операция с ограниченными силами и средствами с последующим переходом в контрнаступление), и каждый раз давали противнику возможность прорывать нашу оборону крупными силами, а затем эти крупные силы останавливались и ждали нашего контрудара...»*¹⁷

Следующая фронтовая полевая поездка состоялась в ПриОВО перед самой войной, с 3 по 8 июня. Отчет о ней «старший группы командиров Генштаба КА» полковник Енюков подписал в понедельник 16 июня. Тема учений прежняя: «Организация и проведение контрудара во фронтовой оборонительной операции с форсированием речной преграды». Замысел операции и направления ударов сторон несколько изменились:

*«Северо-Восточный фронт «западных» в составе 4, 13 и 7-й Армий (десять армейских корпусов и два мехкорпуса) в конце мая перешел госграницу и развивает наступление в Каунасском направлении по обоим берегам р. Неман. Северо-Западный фронт «восточных» (9-я и 5-я Армии, тринадцать стрелковых дивизий) под натиском превосходящих сил противника отходит, одновременно создавая ударную группировку (16-я Армия в составе шести стрелковых дивизий и двух мехкорпусов) в районе Шяуляй для нанесения удара во фланг и тыл западных, действующих в направлении Каунас»*¹⁸.

В первые дни условной войны дела «восточных» идут совсем худо. К 14–00 3 июня «западные» продвинулись на 150 км к востоку от границы, форсировали р. Дубиса, форсировали Неман на широком фронте от Средники до Друскининкай, вышли к западным пригородам Вильнюса и стремятся развить успех ударом танковых соединений через Кедайняй на Паневежис (см. Рис. 2).

Однако и на этот раз боевые действия самых трудных, первых дней «войны» не разыгрываются, о них лишь упомянуто в задании на полевую поездку. Игра начинается с 3 июня. «Восточные», в составе группировки которых впервые появляются противотанковые артиллерийские бригады, выдвигают их в район Кедайняй, Ионава и в ожесточенных боях 4 и 5 июня останавливают продвижение «западных» к Паневежису. Одновременно с этим в районе Кряжай, Титувенай (т. е. по обе стороны р. Дубиса) «восточные» сосредотачивают ударную группировку в составе двух мехкорпусов (в реальности это могли бы быть 12-й и 3-й мехкорпуса ПриОВО) и наносят сокрушительный удар во фланг группировки противника.

К исходу дня 5 июня танки «восточных» выходят к Неману в полосе Юрбаркас, Средники (ныне Сяряджюс). Еще через два дня к Неману подходит пехота (шесть стрелковых дивизий) и успешно форсирует его, выходя в глубокий тыл прорвавшейся к Вильнюсу группировки

¹⁷ ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 15, л. 82.

¹⁸ ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 15, л. 93.

«западных». На этом «игра» была завершена. В отчете бодро констатируется: *«На данной полевой поездке проработан один из вариантов действий войск ПрибОВО при нанесении «западными» главного удара в Каунасском направлении при двойном, примерно, соотношении сил (так в документе; речь идет о двойном численном превосходстве «западных». – М.С.). Проработан вопрос использования ПТАБР».*

Завершая краткий обзор последней для командования Прибалтийского ОВО полевой поездки стоит отметить, что разыгранная в ней операция почти в точности совпадает с ситуацией на Северо-Западном фронте, сложившейся во время стратегической «майской игры». Разница только в том, что в мае «западные», прорвавшиеся через Неман к Вильнюсу получили три удара с трех направлений: 12-й мехкорпус наступал от Шяуляя на юг, 11-й мехкорпус Западного фронта наносил удар от г. Лида на северо-запад, в правый фланг противника, а 3-й мехкорпус Северо-Западного фронта, предусмотрительно отведенный ранее к Швенченису, наносил удар «в лоб», на Вильнюс. Можно предположить, что такое распыление сил было признано ошибочным, и в операции, разыгранной в ходе июньской полевой поездки, два мехкорпуса ПрибОВО объединили в один ударный кулак.

На варшавском направлении

Дальновидно прорисованный в сентябре 1939 г. (при подписании советско-германского «Договора о дружбе и границе») Белостокский выступ на глубину в 120 км врезался в территорию оккупированной немцами Польши. Такое очертание границы открывало перед Красной Армией широкий веер возможностей.

Не сделав еще ни одного выстрела, советские войска оказывались в глубоком тылу Сувалкской и/или Люблинской группировки противника. На первый взгляд, особенно если смотреть на предельно упрощенную карту-схему, блестящие перспективы сулил удар в северо-западном направлении, с «острия» Белостокского выступа на Алленштайн (ныне Ольштын) – на пути наступающих нет ни одной крупной реки, а от границы до кромки балтийского берега менее 200 км; одним ударом можно было отсечь от Германии и окружить всю восточно-прусскую группировку вермахта.

Все меняется, если взглянуть на военную топографическую карту – в глазах зарядит от бесчисленных синих пятнышек... Сувалкия и Мазовше – это край дремучих хвойных лесов и бесчисленных, больших и малых, озер и рек. Идеальное место для пешего и водного туризма, но воевать там невероятно трудно. На такой местности Красная Армия с неизбежностью теряла свой главный «козырь» – огромные табуны быстроходных легких танков; застрявшие в узких межозерных проходах, на заболоченных берегах лесных речушек советские танки превратились бы в неподвижную мишень для орудий немецкой ПТО.

Серьезную проблему для наступающих создает не только география, но и история этого региона, на протяжении многих веков бывшего ареной военного соперничества Речи Посполитой и немецких рыцарских орденов. Сотни лет там строили, строили и построили всевозможные фортификационные сооружения (кстати, крупнейшая в Европе средневековая крепость находится именно там, в Мальборке, немецком Мариенбурге). После раздела Польши по этим местам прошла линия границы между Российской и Германской империями, и там с новой силой и новыми техническими возможностями стали строить крепости и ДОТы. В конечном итоге южная полоса Восточной Пруссии превратилась в огромный, почти непреодолимый укрепленный район.

И тем не менее соблазн простого решения (одним ударом окружить Восточную Пруссию) оказался столь велик, что вариант наступления на Алленштайн и далее к морю многократно рассматривался: в августовском и сентябрьском (1940 г.) вариантах плана стратегического развертывания Красной Армии, в ходе оперативной игры в Западном ОВО (сентябрь 1940 г.), и в первой из двух январских (1941 г.) стратегических игр. Но в конечном итоге советское военнополитическое руководство смирилось с реальностью и пришло к твердому решению отказаться от «северного варианта», так как *«борьба на этом фронте может привести к затяжным боям, свяжет наши главные силы, не даст нужного и быстрого эффекта»*¹⁹.

Направление к югу от Белостокского выступа также создавало серьезные проблемы для наступающей армии – на ее пути вставали три реки (Нарев, Буг, Вепш), причем в их нижнем, т. е. наиболее полноводном, течении. Сама топография будущего театра военных действий приводила к единственному рациональному решению – выходить к Висле на примерно 100-км участке между городами Варшава и Демблин (т. е. между устьями рек Буг и Вепш). Именно этот вариант действий, с различными вариациями, и отрабатывался в 1941 г. в ходе командно-штабных учений Западного ОВО.

Первая из ныне известных фронтовая оперативная игра Западного ОВО была проведена с 15 по 21 марта. Тема: «Наступательная операция фронта и армии». Календарное и условное

¹⁹ ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 241, л. 15,16.

время в этой игре совпадало (в задании на игру читаем: «долгота дня, состояние погоды и дорожные условия – реальные в дни игры») – и это довольно странно, учитывая, что условные «боевые действия» начинались с утра 16 марта, то есть по непросохшим от весенней распутицы дорогам.

Директива командования Западного фронта № 027 ставила перед войсками «восточных» следующие задачи: «*Войска Западного фронта по выполнению частной операции по захвату Сувалкского выступа, надежно прикрывшись 1-й Армией с севера, завершают* (выделено мной. – М.С.) *разгром противостоящего противника и к 23.3 выходят на р. Висла в готовности к последующему удару в направлении Лодзь (130 км к юго-западу от Варшавы. – М.С.) для разгрома совместно с Юго-Западным фронтом главных сил Варшавско-Сандомирской группировки “западных”*»²⁰.

Слова о «завершении разгрома» появляются не случайно. Предшествующие события были описаны во вводной к игре следующим образом: «*В результате встречных сражений войска Западного фронта «восточных» отразили наступление «западных» и, перейдя сосредоточенными силами в контрнаступление, по разгрому противостоящей группировки противника к исходу 15.3 вышли на рубеж р. Писса, р. Нарев, р. Буг. Положение войск согласно Оперативной сводке штаба Западного фронта № 017 от 15.3.1941 г.*»²¹

При этом сами «встречные сражения» и «наступление «западных» никак не описаны и уж тем более – не отработаны в ходе игры. Все произошло легко и просто – о чем можно судить по указанным во вводной к игре потерям танковых соединений «восточных». До начала «боевых действий» игры (к исходу дня 15 марта) 8 танковых дивизий и 20 танковых бригад «восточных» – а по штатному расписанию это порядка 7,5 тыс. танков – безвозвратно потеряли всего 73 танка²². Один процент от исходной численности! В восьми танковых соединениях безвозвратных потерь нет вовсе. Даже с учетом 396 танков, отправленных на средний и капитальный ремонт, удельные потери «восточных» ничтожно малы.

Но и этим не ограничивается необычайный успех «встречного сражения». Рубеж рек Писса, Нарев, Буг – это и есть согласованная с Гитлером в сентябре 1939 г. линия границы (точнее говоря, «линия разграничения государственных интересов СССР и Германии на территории бывшего польского государства» – именно так называлось это в документах). Однако если взять упомянутую выше Оперативную сводку № 017 и найти на карте названные в ней местечки Ксебки, Кадзидло, Крушево, Брок, Сарнаки и Оссувку, то станет видно, что «восточные» не просто отбросили «западных» к границе, но и переправились на противоположный берег пограничных рек. Причем сделали это на двух критически важных для предстоящего наступления участках: северо-западнее Остроленка (на острие Белостокского выступа) и северо-западнее Бреста, где «восточные» оказались за Бугом, в 10 км от польского города Бяла-Подляска (см. Рис. 3).

Такие удивительные успехи короткого (с 12 по 15 марта) «встречного сражения» делают, на мой взгляд, вполне обоснованным предположение о том, что отражать вторжение «западных» никто и не собирался. Упоминание о нем – это ритуальная фраза, «фиговый листок», который должен был скрыть от допущенных к игре лиц реальные планы высшего командования Красной Армии (тут стоит отметить, что круг информированных лиц был весьма широк, и даже само Задание на игру было изготовлено типографским способом в виде брошюры на 99 листах). А для командиров среднего звена, не допущенных к секретам уровня «Особой важности. Экз. единственный», условная «война» должна была начинаться строго по Уставу: «Если

²⁰ ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 32, л. 6, 7.

²¹ ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 33, л. 3.

²² ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 33, л. 22.

враг навязжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий...» (Полевой Устав ПУ-39, Глава 1, параграф 2.)

«Для разгрома совместно с Юго-Западным фронтом главных сил Варшавско-Сандомирской группировки» в состав Западного фронта «восточных» было включено ошеломляюще большое число соединений: 67 (шестьдесят семь) стрелковых и 3 кавалерийские дивизии, 4 мехкорпуса и 20 танковых бригад. Так и этого еще показалось мало, и по ходу «игры» фронт получал подкрепление в составе 21 стрелковой дивизии и 8 танковых бригад. Никогда, ни по одному из известных планов стратегического развертывания Красной Армии, ни по одной из ведомостей распределения сил такого количества пехоты для Западного фронта не предназначалось; реальные цифры находятся в диапазоне от 41 до 24 стрелковых дивизий. Да, в составе Красной Армии было 198 стрелковых дивизий, и, абстрактно рассуждая, можно было найти 88 дивизий для Западного фронта, но это уже совершенно другая расстановка сил, предполагающая совершенно отличный от реальных план войны.

По сценарию мартовской «игры» противник в полосе Западного фронта имел всего 33 пехотные и 2 танковые дивизии в первом эшелоне и еще 6 пехотных дивизий в резерве, в районе Варшава и Нейденбург (ныне Нидзица – 80 км северо-западнее Остроленка). Более того, составители задания пишут: *«На направлении Августов, Седлец противник применяет только средние и легкие танки старых образцов»*. (ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 32, л. 4,5.) В сочетании с очень ранним (середина марта) началом «условной войны» это наводит на предположение о том, что разыгрывался сценарий, при котором «мирно спящий» противник не замечает сосредоточение огромных сил Красной Армии у западной границы СССР и не успевает сколь-нибудь существенно нарастить свою собственную группировку в оккупированной Польше (в скобках можно даже вспомнить про ожидания высадки вермахта на Британских островах).

При таких вводных результат игры оказался вполне ожидаемым. В течение шести дней «восточные» в пух и прах разгромили «западных». Главная ударная сила Западного фронта, 2-я Армия (24 пехотные и 3 кавалерийские дивизии, 2 мехкорпуса – далеко не каждый фронт в годы ВОВ имел такую численность) совершила глубокий охват варшавской группировки противника, через Пшасныш, Цеханув вышла севернее Варшавы к реке Висла и форсировала ее. Чуть менее многочисленная 15-я Армия (20 стрелковых дивизий и 2 мехкорпуса) продвинулась на 130 км от Бреста до Демблина и готовится к форсированию Вислы с задачей сомкнуть совместно с подвижными соединениями 2-й Армии кольцо окружения вокруг поверженного противника. Для полноты картины «восточные» высадили крупные воздушные десанты, которые стремительным ударом захватили переправы на Висле.

Не совсем обычным образом в задании на игру была описана война в воздухе. *«ВВС «западных» в период 12-15 марта активно действовали по войскам, ж/д узлам и аэродромам. ВВС «восточных» в период 13–15 марта продолжали»* (выделено мной. – М.С.) *борьбу за превосходство в воздухе, прикрывали ударную группировку 2-й Армии, взаимодействовали с наземными войсками по уничтожению отходящих войск противника, прекращали ж/д перевозки, уничтожали авиацию [противника] на аэродромах и не допускали подхода резервов противника к фронту по грунтовым дорогам»²³.*

Непонятно – когда авиация «восточных» начала то, что «продолжала» 13–15 марта. В любом случае, имея 5657 самолетов (в четыре раза больше, чем было в реальном июне 41-го) против 2611 самолетов «западных» (в два раза больше, чем их было в реальности), и, конечно же, не исчезнув бесследно после первого удара по собственным аэродромам, ВВС «восточных» успешно решили все поставленные перед ними задачи: превосходство в воздухе завоевали, взаимодействовали, прекратили, уничтожили и не допустили...

²³ ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 33, л. 4.

Тревожные ожидания

Правды ради надо признать, что в Генштабе Красной Армии довольно быстро поняли, что практической пользы от командно-штабной игры с безобразно-завышенной численностью собственных войск немного. Не успели еще отгреметь последние «залпы» мартовской игры, как 20 марта 1941 г. заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Ватутин утвердил «Задание на решение армейской летучки»²⁴. Примечательно, что этот документ был разослан 1–3 апреля в штабы девяти (!) военных округов. Командирам предстояло проанализировать сложившуюся в результате условных «боевых действий» ситуацию, принять решение за командира условной «3-й Армии» Западного фронта и подготовить соответствующий боевой приказ. Срок исполнения (по разным округам) – от 13 до 20 апреля.

А «война» на это раз была такая: *«Западные», потерпев поражение на фронте Граево, Брест (т. е. от северного до южного оснований Белостокского выступа), отходили в Варшавском направлении, прикрывая подход и сосредоточение резервов. 15 мая 1941 г. «западные» перешли в наступление:*

а) из района Вышукв, Острув-Мазовецкий силами 15–20 пехотных и 2 танковых дивизий в общем направлении на Белосток,

б) из района Люблин, Коцк, Демблин силами 25–30 пехотных и 2–3 танковых дивизий в направлении на Брест.

На направлении Пиасныш, Модлин и Седльце, Варшава «западные» под давлением «восточных» продолжают отход, оказывая упорное сопротивление на заранее подготовленных рубежах.

Западный фронт «восточных» (1-я, 10-я, 3-я, 5-я Армии) в сражении на рубеже рек Нарев и Буг нанес поражение «западным» и развивает операцию с целью концентрическим ударом 1-й и 3-й Армий в направлении Варшава разгромить Варшавскую группировку «западных» и выйти на р. Висла к исходу 20 мая...»

Как видим, общий замысел операции и направления главных ударов «восточных» полностью совпадают с мартовской «игрой» в Западном ОВО. По-прежнему разгромить Варшавскую группировку «западных» планируется концентрическим ударом двух армий, одна из которых (1-я по игре) ведет наступление северо-западнее р. Нарев и выходит к Висле северо-западнее Варшавы, а другая (3-я по игре) прорывается к Висле с южного обвода Белостокского выступа, через Седльце, Лукув. Две другие, существенно меньшие по составу армии (10-я и 5-я по игре) связывают силы противника на стыках между двумя ударными армиями Западного фронта и соседним Юго-Западным фронтом (см. Рис. 4).

В то же время задание на апрельскую «летучку» имеет два существенных отличия от мартовской «игры». Одно из них отчетливо видно на карте-схеме: противник на этот раз не ограничивается пассивной обороной, но решительно контратакует крупными силами, нанося удар по двум наиболее слабым армиям Западного фронта и добиваясь при этом значительных успехов (в полосе Остроленка, Острув «боевые действия» даже перенесены на советскую территорию!).

Во-вторых, соотношение сил совершенно другое: в полосе 10-й Армии у «западных» почти двукратное численное превосходство (15–20 пехотных и 2 танковых дивизии против 9 стрелковых дивизий и одного мехкорпуса «восточных»), на юге, в полосе 5-й Армии превосходство «западных» просто подавляющее (25–30 пехотных и 2–3 танковые дивизии против 6 стрелковых дивизий «восточных»). В результате *«с утра 15 мая войска 5-й Армии, встреченные контрударом на реке Вепш, начали отход на р. Тысменица; левый фланг прорван на*

²⁴ ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 15, л. 72–77.

участке Сточек, Люблин, в разрыв между 5-й Армией и 9-й Армией Юго-Западного фронта наступают танковые и моторизованные соединения противника».

Как было уже сказано, задание на «летучку» разослали в девять военных округов. В этом перечне и ближние соседи ЗапОВО (Прибалтийский и Киевский округа), и самые дальние, включая Сибирский и Средне-Азиатский (хотя, казалось бы – где Висла и где Аму-Дарья?). Нет в перечне только того округа, войска которого ведут условные «боевые действия». На мой взгляд, единственным объяснением такого казуса может быть лишь то, что командование Западного ОВО отработывало описанный выше сценарий войны гораздо более подробно, скорее всего – в ходе окружной оперативной игры или полевой поездки. Но документов по этим мероприятиям обнаружить пока не удалось.

Про командно-штабные учения Западного ОВО в мае 41-го практически ничего не известно. О большой стратегической «игре» мая 1941 г. известно не многим больше. Мы по-прежнему не знаем – какие выводы были сделаны по итогам стратегической майской «игры», какие решения были приняты (точнее говоря – доведены до сведения исполнителей) во время совещания высшего комсостава в кабинете Сталина 24 мая 1941 г. Последние предвоенные недели все еще остаются одним из самых загадочных периодов советской истории. Тем более примечательны шесть документов, которые удалось обнаружить в архивном деле ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 27, л. 160–165. Документы эти – три огромные карты и три маленьких листа бумаги, приложенные к каждой из карт (см. Рис. 5, Рис. 6, Рис. 7).

На картах нанесена «обстановка по оперативной полевой поездке» штабов, соответственно, 3, 10 и 4-й Армий Западного ОВО (по заданию полевой поездки они имеют номера 19, 21 и 22). В Генштаб КА карты с короткой «сопроводителькой» поступили, соответственно, 4, 5 и 12 июня. Время по игре было установлено так: с условного 13 по 18 июня для 3-й Армии, с 16 по 23 июня для 10-й Армии, с 26 по 29 июня для 4-й Армии. Были ли практически проведены все или хотя бы некоторые из этих поездок – неизвестно²⁵.

Чрезвычайно интересная фраза обнаруживается в сопроводительном письме к карте полевой поездки штаба 3-й Армии. Заместитель начальника штаба ЗапОВО генерал-майор Семенов докладывает: *«В связи с вызовом командующего войсками к наркому обороны на 11.6 полевая поездка перенесена и будет проведена с 5 по 9 июня».* Интересна эта фраза тем, что позволяет снять одну из загадок июня 41-го. Судя по журналу посещений кабинета Сталина, вечером 11 июня он встречался с командующим и ЧВС Прибалтийского ОВО. И это довольно странно, так как никакие другие командующие округов в кабинете Сталина после совещания 24 мая и вплоть до начала войны не появлялись. С чего бы такое особое внимание к округу, который, как видно по известным ныне планам, находился вдалеке от направления главного удара? Теперь становится понятно, что Кузнецов и Диброва появились 11 июня в Москве не одни, там же и тогда же был командующий Западного ОВО Павлов. Очень может быть, что рассекречивание документов Киевского ОВО позволит расширить и этот перечень...

Что же касается сценария армейских полевых поездок, запланированных на июнь 41-го в Западном ОВО, то на этот раз во всех трех случаях разыгрывается вариант ответного контрудара, причем наносится этот удар после того, как противник **необычайно глубоко, на 70–100 км, продвинулся на восток – ничего подобного в прежних «играх» не было.**

Три карты не являются «кусочками одной мозаики», рубежи обороны и направления ударов соседних армий по сценариям полевых поездок не совпадают. С другой стороны, сравнивая карты с текстом Раздела VI плана прикрытия Западного ОВО (*«Возможные варианты действий по обеспечению основных операционных направлений на случай прорыва через армей-*

²⁵ В книге Сандалова (накануне войны – начальника штаба 4-й Армии) читаем: *«В конце мая проводилась армейская полевая поездка, закончившаяся игрой на картах. Проигрывалась наступательная операция из района Пружань, Антополь, Береза-Картузская в направлении Брест, Бяла-Подляска...»*, что, судя по карте, совпадает с заданием на оперативную полевую поездку.

ские районы обороны мото-мехчастей противника»), мы обнаруживаем практически полное сходство поставленных задач и оперативных решений. Скорее всего, в ходе полевых поездок планировалось отработать действия командования и штабов армий по плану прикрытия, какой план как раз в июне был составлен и утвержден.

Один ответ и один вопрос

Подведем итоги. Несмотря на то что доступная информация довольно хаотично разбросана по времени первой половины 41-го года и пространству западных регионов СССР, несмотря на то что недоступной остается информация по оперативным «играм» самого мощного, Киевского ОВО, рассмотренные выше документы позволяют сделать несколько важных выводов.

Первое. Оперативная подготовка командования и штабов Красной Армии к войне против Германии велась, причем велась постоянно и упорно. Печально, что столь заурядный вывод приходится специально подчеркивать, но не перевелись еще у нас «историки», которые рассказывают о том, как Сталин заменил подготовку к войне любовным разглядыванием подписи Риббентропа под «Пактом о ненападении».

Второе. С января по июнь 1941 г. сценарий оперативных «игр» претерпевает вполне отчетливые изменения: численность войск «восточных» становится все меньше и меньше, задачи и успехи – все менее и менее амбициозными. От грандиозного наступления на Краков и Будапешт до контрударов под Вильнюсом и Белостоком.

Третье. Оценка боеспособности собственных войск остается неизменно высокой. Можно даже обрисовать некую условную «пирамиду ожиданий». При двукратном численном превосходстве «восточные» разносят «западных» в пух и прах. При численном равенстве сил с противником Красная Армия успешно наступает – да, медленно, проходя «всего лишь» по 10 км в день, но наступает. При двукратном численном превосходстве противника «восточные» упорно обороняются, переходя временами к подвижной обороне. Прорвать же фронт «восточных» удастся лишь тогда, когда «западные» имеют 3–4–5-кратное численное превосходство в пехоте и подавляющее превосходство в танках; впрочем, и в этих случаях прорыв означает не «начало понятной вам катастрофы»²⁶, а неизбежный в ближайшие дни сокрушительный контрудар Красной Армии на соседнем, неизбежно ослабленном участке фронта противника.

Все это позволяет дать аргументированный ответ на злосчастный вопрос, который тысячу и один раз поднимался на страницах книг и статей с названиями «Тайна 22 июня», «Загадка 22 июня», «В полночь 22 июня...» Как же так, как мог Сталин спокойно пойти спать после того, как разведка доложила...

А что «не так», дорогие товарищи? Разведка доложила, что в приграничной полосе Восточной Пруссии сосредоточено до 500 немецких танков? Так их там ожидали увидеть 4000. В восемь раз больше. На аэродромах «Сувалкского выступа» обнаружено до 300 немецких самолетов? Но их там, по сценарию мартовской «игры», должно было быть более тысячи. Из-за чего же тов. Сталин должен был потерять сон и аппетит? Сталин гордился своей логикой и рассудил совершенно логично: вся имеющаяся разведывательная информация свидетельствовала о том, что сосредоточение группировки немецких войск у границ СССР – той группировки, которую ожидали у границы увидеть – не только не завершено, но еще и толком не началось. И если войска несокрушимой Красной Армии способны недели две помотать противника в приграничном сражении, то стоит ли так беспокоиться – часом раньше или часом позже уйдет в войска Директива № 1?

А вот вопрос, на который у меня нет никакого вразумительного ответа, заключается в другом. Из Каунаса командование 11-й Армии, ЦК литовской компартии, чекистское и про-

²⁶ Печально-знаменитая фраза из донесения, направленного в Москву начальником штаба Юго-Западного фронта 14 сентября 1941 г., после того как наметился прорыв частей 2-й и 1-й Танковых групп вермахта в глубокий тыл киевской группировки войск Красной Армии.

чье начальство сбежало после полудня 22 июня. Ждать до вечера не стали. Белосток от границы подальше будет, да и по пути к нему две реки – но из Белостока все военное, партийное, чекистское и прочее начальство сбежало вечером 22 июня. Если судить о людях по делам – а это всегда считалось единственно верным, то получается, что товарищи генералы даже тени сомнения по поводу Красной Армии и ее способности противостоять вермахту не имели. Так для чего и для кого писали они «задание на игру на 117 листах»? Зачем изо дня в день, из месяца в месяц рисовали стрелочки на картах? Кого они хотели обмануть? Себя? Сталина? Друг друга?

Недостающее звено

В 2006–2010 гг. были рассекречены некоторые документы высших эшелонов командования Красной Армии, в том числе переписка (входящие и исходящие шифротелеграммы) Генерального штаба и наркома обороны СССР. При всей своей неполноте и хаотичности этот массив информации позволяет добавить несколько новых элементов к сложной мозаике событий последних предвоенных месяцев 41-го года.

Прежде всего, документы подтверждают содержащиеся в мемуарах маршала Жукова, да и других высших советских военачальников, утверждения о том, что весной 41-го года Генеральный штаб работал, «счет потеряв ночам и дням», по 18 часов в сутки. Если не больше. Время отправления телеграмм в два, три, четыре часа ночи встречается сплошь и рядом. Да и как можно было спокойно спать ночью, если из одного центра пытались командовать всем?

22 апреля 1941 г. (в очередную годовщину рождения Ульянова-Ленина и ровно за два месяца до начала войны), в 23 часа 45 мин начальник Управления устройства тыла генерал-майор Ермолин отправляет совершенно секретную шифротелеграмму начальнику штаба Дальневосточного фронта генерал-лейтенанту Смородину. Документ этот, более полувека укрытый от историков завесой государственной тайны, в равной мере интересен как формой, так и содержанием:

«На основании указания Правительства генерал армии Жуков приказал немедленно выделить 5 тонн мела Приморскому Крайисполкому для ремонта здания ул. Софийская, 17, г. Владивосток, за счет фондов железнодорожного корпуса. Для доклада исполнения прошу донести».

То, что жесткое армейское «об исполнении доложить» заменено мягким «прошу» вполне объяснимо: генерал-майор обращается к генерал-лейтенанту, то есть к старшему по званию. Но даже и самый старший среди них, генерал армии Жуков, оказывается, не сам это все придумал – начальник Генштаба всего лишь транслирует указания Правительства (с большой буквы). И все они вместе, три генерала и неназванный «правительство», тратят драгоценные минуты своего рабочего времени на обсуждение вопроса, с которым должен был разобраться лейтенант интендантской службы.

Вы, может быть, подумали, что я специально искал и наконец нашел один такой уникальный случай бюрократического кретинизма? Если бы... Из каждой папки с рассекреченными документами подобные примеры можно черпать десятками. Вот 2 апреля 1941 г. заместитель начальника Генштаба начальник организационного Управления генерал-майор Четвериков направляет в адрес начштаба Харьковского ВО телеграмму о выделении походных кухонь для 55-го стройбата. В тот же день начальник Оперативного управления ГШ генерал-лейтенант Маландин в телеграмме начальнику штаба Приволжского ВО подтверждает выделение округа химвзвода. 4 апреля заместитель начальника ГШ по мобилизационным вопросам генерал-лейтенант Соколовский дает (опять же шифротелеграммой, по защищенному каналу связи) секретное указание начальнику штаба Сибирского ВО: *«Матчасть 543 кап (корпусного артполка) замаскировать брезентами».* Первый заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Ватутин телеграфирует начальнику штаба Киевского ОВО: *«Один пакгауз из занимаемых складом 995 в Черновицах освободить и передать железной дороге. Исполнение донести».* И так далее, до бесконечности...

Не приходится удивляться тому, что, командуя взводами, складами и брезентами, генералы Генерального штаба упустили из виду многие серьезные проблемы. Ставшие доступными новые документы позволяют, в частности, уточнить печальную историю с формированием и разгромом противотанковых артиллерийских бригад РГК.

Решение о создании ПТАБРов было оформлено Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 23 апреля и соответствующими директивами НКО от 26 апреля 1941 г. К 1 июня 1941 г. предстояло сформировать десять таких бригад (1, 2, 3, 4 и 5-я ПТАБР в Киевском ОВО, 6, 7 и 8-я в Западном ОВО, 9-я и 10-я в Прибалтийском ОВО). Решение безупречно нужное, правильное и своевременное. Наш главный потенциальный противник – гитлеровская Германия – создал и успешно использовал в сражениях польской и французской кампаний принципиально новый «инструмент» войны – крупные высокомобильные танковые соединения (дивизии и корпуса). Сдержать удар «танкового клина» тонкая «нитка» обороны пехотной дивизии не могла – ни теоретически, ни практически. Массированию сил и средств наступающих нужно было противопоставить аналогичное массирование средств обороны, танкам – столь же мощное и мобильное противотанковое соединение.

По утвержденному штатному расписанию на вооружении ПТАБР должно было быть 120 противотанковых пушек – да еще каких! 48 (четыре дивизиона) 76-мм пушек Ф-22. Летом 41-го года это великолепное для своего времени орудие могло пробить лобовую (т. е. самую прочную) броню любого немецкого танка на километровой дальности. Еще четыре дивизиона были вооружены 85мм зенитными пушками 61-К обр. 1939 г. Использование этого орудия было уже «чрезмерной жестокостью»; на дальности в 1000 м зенитка могла пробить броневой лист толщиной в 110 мм, но ничего подобного у немцев не было – ни в боевых частях, ни даже на чертежах новых танков. Но и этого показалось мало, и в состав ПТАБР ввели два дивизиона (24 орудия) 107-мм пушек! Впрочем, «запас карман не тянет»; избыточная на первый взгляд мощность орудий могла быть (при наличии соответствующей оптики и подготовки наводчика) конвертирована в повышенную дальность стрельбы, в способность орудийного расчета уничтожить вражеский танк на такой дистанции, что противник не сможет даже понять – откуда прилетел смертоносный снаряд.

Противотанковые пушки были основным, но отнюдь не единственным вооружением ПТАБР. В состав бригады включили и минно-саперный батальон, и автотранспортный батальон снабжения, и необычайно многочисленные средства противовоздушной обороны: 16 скорострельных 37-мм зениток и 72 крупнокалиберных пулемета ДШК. Командование Красной Армии возлагало на ПТАБРы серьезные надежды, о чем со всей очевидностью свидетельствует документ: утвержденные 3 июня 1941 г. начальником штаба Киевского ОВО «Временные указания по боевой подготовке, боевому использованию и построению боевых порядков ПТАБР».

Боевое использование представлялось следующим образом. На участке фронта шириной в 3–4 км ПТАБР должна была остановить наступление 400–500 танков противника (и это не опечатка). При этом ожидалось, что стальная лавина будет двигаться *«последовательными волнами в 20–30 танков на км фронта, то есть примерно пять волн»*, со скоростью 15 км/час (250 м/мин). Боевой порядок бригады предполагался в два эшелона: в первом 4 дивизиона 76-мм пушек и один дивизион 107-мм пушек на наиболее угрожаемом направлении, 4 дивизиона 85-мм пушек и 1 эшелон 107-мм (т. е. более мощные орудия) выводились в резерв командира бригады для уничтожения прорвавшихся в глубину обороны тяжелых танков.

Действия первого эшелона описаны следующим образом: *«Каждое орудие с дальности 1200 м способно дать минимум 3–4 прицельных выстрела в минуту, из них 1 выстрел выводит танк из строя (с учетом мощи используемых орудий оценка вполне реалистичная. – М.С.). Следовательно, первый и второй эшелоны танков выводятся из строя на 100 %, не дойдя до огневых позиций на 200 метров»*. Другими словами, предполагалось, что одна пушка должна вывести из строя четыре танка противника прежде, чем танки выкатятся на огневые позиции. Дальнейшее во «Временных указаниях» не описано; вероятно, ожидалось, что противник после такой бойни прекратит атаку, или же самые стойкие будут расстреляны орудиями второго эшелона бригады.

Все бы хорошо, но за все хорошее приходится платить. За огромную бронепробиваемость поставленных на вооружение ПТАБРов орудий было уплачено их совершенно ненормальным (по меркам типичных орудий ПТО того времени) весом. Если основная на тот момент немецкая 37-мм противотанковая пушка PaK-36 весила 450 кг, а наша «сорокапятка» обр. 1937 г. – 560 кг, то вес 85-мм зенитки составлял 4300 кг (немногим легче, 3900 кг, была и 107-мм М-60). И если малокалиберную пушку ПТО по полю боя мог, напрягая последние силы, катить орудийный расчет, а по дороге к полю боя ее могла буксировать на крюке любая (включая легковую) автомашина, то для 4-тонных орудий нужен был специальный гусеничный тягач.

Теоретически, по штатному расписанию, каждой ПТАБР полагалось по 165 тракторов. На практике все оказалось гораздо хуже. 17 мая за подписями Военного совета Киевского ОВО в полном составе (Кирпонос, Вашугин, Пуркаев) на имя наркома обороны маршала Тимошенко отправлена телеграмма следующего содержания: *«Для формирующихся ПТАБРов требуется 600 тракторов СТ-2, 300 СТЗ-5, для артчастей формируемых мотомеханизированных (так в тексте. – М.С.), танковых и стрелковых дивизий требуется 503 трактора СТ-2 и 792 СТЗ-5. Орудия поступают, возить не на чем. Прошу приказание об ускорении высылки автотракторного парка формируемых частей...»*

Прошел месяц. По состоянию на 18 июня в КОВО для ПТАБРов было отгружено 75 тягачей СТ-2 и 188 тракторов СТЗ-5, причем большая их часть (50 СТ-2 и 120 СТЗ-5) поступили в Луцк, то есть в 1-ю ПТАБР генерала Москаленко; 25 СТ-2 и 68 СТЗ-5 были отгружены в Скалат, то есть во 2-ю ПТАБР. Остальные три бригады округа не получили ни одного тягача. И это – самый мощный во всей Красной Армии Киевский ОВО (будущий Юго-Западный фронт); в других округах ситуация была еще хуже.

По состоянию на 18 июня для двух ПТАБР Прибалтийского ОВО было отгружено всего 18 тракторов ЧТЗ-65, к 1 июля (т. е. ко дню установленного решениями партии, правительства и наркома обороны завершения формирования противотанковых артбригад) обещали отгрузить еще 45 тракторов СТЗ-5. Самая же безрадостная картина была в Западном ОВО, то есть в полосе будущего наступления самой крупной в вермахте Группы армий «Центр».

7 июня начальник Оперативного отдела штаба Западного ОВО генерал-майор Семенов докладывает начальнику Генштаба Жукову о ходе формирования ПТАБРов. При штатной численности 5322 человека три бригады округа (6, 7 и 8-я) имеют, соответственно, 5332, 5187 и 5147 человек личного состава. Практически полная укомплектованность. Противотанковых орудий пока еще меньше половины от штата (60, 52 и 54). *«До 1 июля получают из центра 72 пушки 76-мм и 60 пушек 85-мм»*. Но при этом в 6-й ПТАБР всего четыре трактора, в 8-й ПТАБР – семь тракторов, в 7-й ПТАБР – ноль. Далее Семенов бесстрастно констатирует: *«В течение мая получено тракторов частями округа из центра 73, в первых числах июня – 20»*.

Неподвижная противотанковая бригада – это что-то вроде мухобойки, прибитой гвоздем к стене; мухи по такой комнате могут летать совершенно безнаказанно. В ситуации отсутствия средств мехтяги 4-тонные пушки ПТАБРов превратились в их главный недостаток; если бы бригаду вооружили противотанковыми ружьями весом в 16 кг – и то было бы больше толку (особенно принимая во внимание, что летом 41-го года треть танкового парка немецких сил вторжения представляла собой легкие танки и танкетки).

Оказаться на пути наступления немецкой танковой дивизии неподвижная ПТАБР могла только по чистой случайности, но на Западном фронте на это рассчитывать не приходилось – накануне войны три бригады ЗапОВО дислоцировались, соответственно, в районе Белостока, Гродно и Лиды, то есть именно там, где наступала немецкая пехота! В полосе предстоящего наступления самой мощной в вермахте 2-й Танковой группы Гудериана, в направлении Брест – Кобрин – Барановичи ни одной ПТАБР не было. В скобках заметим, что прикрывавшая брестское направление 4-я Армия оказалась той единственной (!) армией Первого стратегического эшелона Красной Армии, в составе которой ПТАБРа не было даже теоретически – весьма

красноречивая иллюстрация многолетней брехни про то, как «секреты Гитлера ложились на стол Сталина через два дня после подписания соответствующих документов...».

И не надо думать, что пресловутая «история» отпустила Сталину так мало времени, что задача найти 1650 тягачей (тракторов) для полного укомплектования всех ПТА-БРов была совершенно неразрешимой. Худо-бедно, но по состоянию на 15 июня 1941 г. (т. е. еще до объявления открытой мобилизации и поступления в войска десятков тысяч тракторов из народного хозяйства) в Красной Армии числилось 2601 специализированный артиллерийский тягач типов «Ворошиловец», «Коминтерн» и СТ-2, а также 19 381 трактор типов ЧТЗ-65 и СТЗ-5. Так мало их получается, если не считать 14 277 «устаревших» тракторов типа ЧТЗ-60, СТЗ-3 и «Коммунар» и 6672 новейших бронированных тягачей «Комсомолец, предназначенных для буксировки 45-мм противотанковых пушек в стрелковых и моторизованных дивизиях. Как-то плохо сочетаются все эти цифры с донесениями о том, что в одной противотанковой артбригаде всего 4 трактора, а в другой – ноль...

А в довершение картины «стального сталинского порядка» – отсутствие в войсках броневой снарядов. 16 мая 1941 г. начальник Главного артиллерийского управления маршал Кулик отправляет в Минск, начальнику артиллерии Западного ОВО телеграмму № 1481, в которой сказано: *«По Вашей телеграмме № 6/арт. состоящие на складах округа 76-мм броневые выстрелы отправляются в войска только в июне. Предлагаю немедленно оперативным транспортом вне обычного плана перевозок отправить броневые выстрелы в войска, в первую очередь – танковые дивизии. Держите связь с начальником АБТ в округах, немедленно обеспечьте выстрелами прибывающую матчасть»*. Телеграмма аналогичного содержания за номером 1482 была в тот же день отправлена в Киевский ОВО.

Прошел месяц и еще четыре дня. 20 июня, в 15–30 маршал Кулик отправляет очередную (за номером 1543) телеграмму в Минск: *«По докладу одного из командиров (так в тексте. – М.С.) ПТАБР округ не выдает бригаде боекомплект артвыстрелов. Предлагаю немедленно выдать всем ПТАБР боекомплект, в том числе положенные броневые выстрелы. Телеграфируйте 21 июня Ваше распоряжение и объяснение причины недопустимой задержки отпуска боекомплектов»*. Мне пока не удалось выяснить – поступило ли в Москву какое-нибудь «объяснение причины», или катастрофический разгром Западного фронта сделал переписку на эту тему бессмысленной.

Сбивать – или не сбивать?

Одним из самых распространенных и живучих является миф о немецких самолетах-разведчиках, которые накануне войны безнаказанно летали над советской территорией, всю систему базирования советской авиации (да и не только авиации) досконально выявили, а сбивать обнаглевших от безнаказанности фрицев нашим соколам-летчикам не разрешали. А еще, бывало, не выдержит душа у какого летчика, бросится он к своему верному И-16, поднимется в небо, да и свалит меткой очередью фашистского стервятника. Так вот, после посадки героя этого хватают «особисты» и волокут в расстрельный подвал – не провоцируй, мол, немцев, не нарушай «приказ Сталина». Есть еще подвариант этого мифа – пресловутый приказ, запрещающий сбивать нарушителей, якобы отдал не Сталин (Сталина подло обманули), а кровавый сатрап Берия...

В подлинных документах история эта выглядит по-другому. Не так красочно.

«Доношу о нарушении госграницы германскими самолетами 25 мая сего года.

1) В 11–23 в районе поста ВНОС 2063 Велиново, 40 км юго-западнее г. Бельск (т. е. 5–7 км от линии границы того времени. – М.С.) один самолет тип До-17 на большой высоте [пересек границу] и прошел над пунктами (следует перечень хуторов и местечек. – М.С.) и в районе Следяново в 11–51 ушел на свою территорию. При нарушении производилось оповещение аэродромов Бельск (в 11–23), Тарново (в 11–23), Белосток (11–41). Вылет нашей авиации произведен с аэродрома Бельск (в 11–26), Тарново (в 11–26) и Белосток (в 11–43). Самолет нашей авиацией обнаружен не был.

2) Один самолет тип До-17 на высоте $H=1000$ м пересек границу и находился над нашей территорией 2 минуты.

3) В 13–05 один самолет 2-моторный, не установленного типа, на высоте $H=7000$ м нарушил госграницу в районе Домачево (южнее г. Брест), прошел по курсу 360 град. до Бреста, повернул на 180 град и в 13–37 ушел на свою территорию в районе Приборово (южнее Домачево 10 км). При нарушении произведено оповещение аэродрома Брест в 1306. Вылет нашей авиации произведен с аэродрома Брест в 13–08. Самолет нашей авиацией обнаружен не был.

Это – текст телеграммы, отправленной 26 мая 1941 г. начальником штаба Западного ОВО генерал-майором Климовских начальнику Генштаба Красной Армии генералу армии Жукову.

Вот еще одна телеграмма, подписана Военным советом Западного ОВО в полном составе:

«Заместителю предсовнаркома тов. Молотову.

Наркому обороны тов. Тимошенко.

По донесению командира 10 САД (дивизия базировалась в полосе Брест, Кобрин, Пинск. – М.С.) полковника Белова в 19–30 26 мая самолет Ме-110 в районе Семятыче (приграничный поселок в 60 км северо-западнее Бреста. – М.С.) на высоте $H=8500$ м нарушил госграницу. Вылетевший на перехват нарушителя капитан Савченко, командир эскадрильи 123 ИАП, на самолете И-153 на высоте $H=8600$ м эволюциями потребовал от экипажа Ме-110 следовать на наш аэродром. Нарушитель открыл заградительный огонь. В свою очередь капитан Савченко открыл ответный огонь. Нарушитель с большой скоростью ушел на свою территорию. Капитан Савченко произвел посадку благополучно на аэродроме Лыщицы. Повреждений на нашем самолете нет. Для детального расследования на месте в 4–00 27 мая вылетел зам. начальника штаба 10 САД майор Тимченко. Результат донесу.

Одновременно докладываю, что 25 и 26 мая немецкие самолеты подозрительно часто, в ясную погоду, теряли ориентировку и залетали на большой высоте на нашу территорию, следуя вдоль границы на незначительном удалении (3–10 км), а один самолет 25 мая прорвался до н. п. Боцоки (10 км юго-западнее Бельск). С подъемом наших самолетов нарушители сразу уходят на свою территорию.

Павлов, Фоминых, Климовских».

30 мая. Телеграмма, подписанная Ватутиным, летит из Москвы в штаб Ленинградского ВО:

«Шифротелеграммой № 40/оп от 30 мая начальник штаба ЛВО [генерал-майор] Никишев донес о нарушении госграницы финским самолетом. Из донесения видно, что ни истребительная авиация, ни зенитная артиллерия не имели попытки противодействовать нарушителю. Нарком обороны приказал:

1) Повысить готовность истребительной авиации и зенитных средств. Нарушителей границы уничтожат, не допуская нарушения границы нашими самолетами.

2) Донести через Генштаб – почему не вылетели истребители 29.5 для уничтожения нарушителя».

6 июня. Начальник Оперативного отдела штаба Западного ОВО генерал-майор Семенов докладывает начальнику Генштаба Жукову:

«6 июня сего года по донесению пограничного поста № 2087 Студенично в 13–05 в районе Августов была нарушена госграница германским самолетом типа разведчика на H=2000. Самолет находился над нашей территорией до 13–11 и в пункте Студенично (10 км северо-восточнее Августов) ушел на свою территорию. При нарушении производилось оповещение аэродрома Новый Двор (42 км от Августова. – М.С.) в 13–05, взлет был в 13–06. Германский самолет обнаружен северо-западнее пункта Грузки. Посадить самолет не удалось ввиду перехода последнего на свою территорию».

9 июня 1941 г. Начальник штаба Одесского ВО генерал-майор Захаров шлет телеграмму в Генштаб. Ситуация стандартная: в 12–00 самолет-нарушитель пересек границу, в 12–26 ушел обратно на румынскую территорию. *«В 12–04 с площадки Куза-Вода (2 км севернее Этулия) подняты два истребителя И-16, обнаружившие в воздухе указанный самолет курсом на юго-запад. Преследование закончилось безрезультатно».*

Синим карандашом на документе резолюция с подписью Жукова:

«Молния. Тов. Захарову. Что значит «преследование закончилось безрезультатно» не можем (далее неразборчиво. – М.С.). Вам ставлю на вид за такое безответственное донесение. Донести с исчерпывающей полнотой для доклада наркому и правительству. Кто виновен?»

На этом прервемся, внимательно перечитаем и обдумаем прочитанное. Прежде всего, оценим интервал времени между оповещением аэродромов и взлетом дежурного звена. Никто не спит на «мирно спящих аэродромах»; система ВНОС, связь наблюдательных пунктов с аэродромами истребительной авиации работают, как часы. При этом перехватить, принудить к посадке или уничтожить самолет-нарушитель не удастся – но вовсе не из-за вредительских козней сатрапа Берия. Все гораздо проще и банальнее: хотели, но не смогли. А не смогли потому, что техника той эпохи для решения такой задачи соответствовала мало.

Типовому самолету-истребителю начала 40-х гг. требовалось 6–7 минут для того, чтобы забраться на высоту 5 км. Очень хорошему, такому как советский И-153 или немецкий Вф-109F, хватало 5,3 минуты. Дальше – хуже, с ростом высоты полета скороподъемность поршневых истребителей падает, и для подъема на 8 км может потребоваться минут 10. Но даже одна минута – это 60 секунд, за которые разведчик типа Ме-110 может, отнюдь не насилуя моторы, удалиться на 8 км. За пять минут – на 40 км. После этого и при отсутствии системы радиолокационного наблюдения и наведения истребителя на цель перехват становится практически невозможным.

А если командиру эскадрильи 123 ИАП капитану Савченко удалось догнать Ме-110, да еще и на высоте 8600 метров – так ведь это не простой полк и не простой капитан. Сформированный в марте 1940 г. 123 ИАП еще в довоенное время стал одним из лучших в составе ВВС Западного ОВО, а его летчики к моменту начала боевых действий успели налетать 7600

часов. В первый день войны 123 ИАП стал самым результативным истребительным полком во всей группировке советских ВВС – реально сбито или повреждено 8–10 самолетов противника. Результат тем более невероятный, что на своих действительно устаревших «Чайках» истребители 123 ИАП сражались с элитной эскадрой Мельдерса (JG-51), перевооруженной к тому времени на новейшие «мессершмитты» Bf-109 серии F. После того как в полдень 22 июня командир полка майор Сурин погиб на четвертом боевом вылете, командование уцелевшими остатками 123-го и 33-го истребительных полков взял на себя тот самый капитан Савченко. 22 июня он сбил (скажем аккуратнее – заявил) два самолета противника, 23 июня – еще два. Увы, судьба была к нему немилосердна – через несколько дней капитан Савченко погибнет при штурмовке немецкой мехколонны в районе Бобруйска...

Вернемся, однако, к событиям последних предвоенных дней. У Советского Союза была еще одна «горячая граница», дальневосточная. И не случайно развернутые там войска уже в мирное время были сведены в Дальневосточный фронт. Именно там и произошел первый (из выявленных мною в документах) случай реального уничтожения самолета-нарушителя. По странной иронии судьбы самолет был немецкого производства – четырехместный Bf-108A «Тайфун».

Перейти (перелететь) границу у реки самураям удалось – но только в одну сторону. 9 июня 1941 г. начальник штаба Дальневосточного фронта генерал-лейтенант Смородинов докладывает начальнику Генштаба генералу армии Жукову:

«...После того как японский самолет, несмотря на требования летчика о посадке и предупредительной очереди, перешел на бреющий полет и на большой скорости начал уходить, летчик мл. лейтенант Кондик дал одну очередь по самолету и японский самолет упал в районе Чернянино. Летчика Кондик в Ворошиловске опрашивал лично комвойсками фронта тов. Апанасенко. Кондик доложил, что он, с риском для себя, подлетал вплотную к японскому самолету и предупреждал о посадке, но японский самолет, несмотря ни на какие предупреждения, продолжал уходить. После предупредительных очередей мл. лейтенант Кондик, на основе инструкции командира полка майора Субботина, принял решение открыть огонь по самолету...

В инструкции дежурным звеньям, утвержденной командиром 40 ИАП майором Субботиным, в п. 7 имеется такое указание: «Все самолеты иностранной авиации, летящие над нашей территорией, немедленно эволюцией принуждать садиться, а в крайнем случае, при попытке уйти на свою территорию – уничтожить». Майор Субботин включение этого пункта в свою инструкцию объясняет тем, что он так понял и понимает пункт 1 приказа наркома обороны, в котором указано: «При нарушении границы японскими самолетами или воздухоплавательными аппаратами огонь открывать только в крайних случаях – залет в запретную зону в глубине территории округа».

Японский самолет углубился на нашу территорию до Галенки – 40 км от границы, и находился над Укрепрайоном, являющимся запретной зоной. Комвойсками фронта считает летчика Кондик невиновным».

Этот доклад примечателен по меньшей мере двумя обстоятельствами. Во-первых, в нем, наконец-то, появляется приказ. Не мифический «приказ Сталина, который запретил сбивать», а вполне реальный приказ наркома обороны СССР, в котором была указана ситуация, в которой сбивать самолеты-нарушители было не только можно, но и нужно. Во-вторых, документ позволяет понять – из каких подлинных фактов вырос позднейший миф. Да, эпизод со сбитым японским самолетом рассматривался как происшествие совершенно чрезвычайное, и для «разбора полетов» младшего лейтенанта прибыл лично командующий ДВФ в звании генерала армии. Тем не менее при условии твердой позиции вышестоящих командиров, которые не стали сваливать ответственность на подчиненного, ничего плохого со столь метко стреляющим летчиком («Кондик дал одну очередь по самолету») не случилось.

Во второй половине июня резко обострилась воздушная обстановка на северном фланге будущего фронта – немцы готовились к наступлению на Мурманск и лихорадочно наверстывали упущенное ранее время. 18 июня 1941 г. четыре самолета нарушили границу, были обстреляны нашей зенитной артиллерией, но ушли в целости и невредимости на север. Начальник штаба Ленинградского ВО генерал-майор Никишев в своем докладе Жукову сообщает: *«Даны указания частям о повышении бдительности; при появлении неизвестных самолетов, нарушающих границу, сбивать их»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.